

Любовное зелье колдуна-болтуна

Автор:

[Дарья Донцова](#)

Любовное зелье колдуна-болтуна

Дарья Аркадьевна Донцова

Татьяна Сергеева. Детектив на диете #18

Чтобы расследовать новое дело, вся спецбригада Тани Сергеевой, в сопровождении шефа, выехала на Урал. Там, в небольшом городке Лоскутово, погиб мэр. Неужели многовековая – да-да, именно так! – вражда двух местных кланов, семейств Шаровых и Бражкиных, и в самом деле дошла до смертоубийства? Прямо не то Чикаго тридцатых годов, не то Италия времен Борджиа... Причем если градоначальник был сбит машиной, то еще несколько человек явно умерли от яда. Но местных колдунов Кудрявцевых, готовивших всяко-разные снадобья, в том числе весьма опасные, давным-давно нет в живых! Разве их зелье, вызывавшее нечто вроде гриппа, способно сохраниться до наших дней? Едва Татьяна копнула поглубже, как выяснилось такое...

Дарья Донцова

Любовное зелье колдуна-болтуна

© Донцова Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

«Никогда не ложись в постель с мужчиной, у которого проблем больше, чем у тебя...»

Услышав эту замечательную фразу, я оторвалась от изучения меню и посмотрела на двух молодых женщин, сидевших за соседним столиком.

– Обожаю его! – азитированно воскликнула в этот момент одна из них, симпатичная блондинка с волосами до плеч и густой челкой. – Умный, красивый, внимательный, креативный! Вчера принес букет, сказал: «Любимая, я хотел преподнести тебе красные розы, но потом подумал: это слишком банально, а ты девушка необычная. Поэтому утром съездил в лес и набрал полевых цветов». Согласись, очень мило и оригинально, никто из наших знакомых так не поступит.

– Полевые цветы так называются потому, что растут в поле и на лугу, а не в лесу, – наставительно произнесла вторая девушка. – И ты слишком доверчива. Думаю, твой драгоценный возлюбленный обычный врун. Он просто не стал заморачиваться и носиться по окрестностям, а купил букет в бутике «Веночек», где как раз такие, якобы собственноручно нарванные, и продают. Он лгун.

– Нет! – разозлилась ее собеседница. – Ты, Катька, из зависти гадости говоришь, потому что понимаешь: мы скоро поженимся. А кое у кого вообще парня нет.

– Оля, ты сошла с ума, – продолжала Екатерина. – Повторяю: никогда не ложись в койку с мужчиной, у которого проблем больше, чем у тебя. И уж тем более нельзя выходить за такого замуж. Твой кавалер в последнее время похудел, под глазами у него синяки, вид не из лучших. У него точно полно неприятностей. Все сейчас у Ромео плохо, а будет еще хуже.

– Ну да, у него в семье горе, – сказала Ольга, – он переживает.

– Может, так, а может, нет, – не сдалась подруга, – лучше разорви с ним отношения.

- Это почему? - с вызовом спросила Оля. - За кого хочу, за того замуж и пойду!

- Ну и зря. Этим ты убьешь родителей и бабушку. Да и ему никто не позволит сейчас жениться, - зашипела Катя. - А если вы на всех наплюете и оформите брак, то предки вам ни копейки не дадут. И тогда у твоего «зайчика» проблем в жизни еще больше станет. Где жить будете? Только не в нашем городе, вы здесь на улицу выйти не сможете.

- Очень ты, Катя, меркантильная, - надулась Оля, - не стоит только о деньгах думать, есть и другие ценности.

- Например? - заинтересовалась Екатерина.

- Любовь! - воскликнула Ольга. - Такая, чтобы с первого взгляда, навсегда! Как удар молнии! С тобой это случилось?

- Ммм... - протянула Катя, откусывая сразу полэклера. - Честно говоря, не припоминаю что-то. Но какие мои годы, может, еще огреет битой из-за угла.

- А вот со мной произошло! Я встретила его, и свет перевернулся, - затараторила Оля. - Желаю и тебе испытать такой... э... удар током по голове.

- Мерси, не надо, - усмехнувшись, отказалась Катя. - Ведь башка, по которой шандарахнуло током, перестает работать как часы.

- Считаешь, что твой мозг функционирует, как напольный Павел Буре в кабинете отца? - прищурилась красавица блондинка.

- А у тебя есть сомнения? - хмыкнула Катерина.

- Я не про то, просто теперь мне ясно, почему из тебя иногда кукушка вылетает, - злорадно пропела Оля.

За соседним столиком повисло молчание.

- Выбрали? - спросила подошедшая ко мне официантка.

– Два пирожка с капустой и чай, – заказала я. – Подскажите, какой напиток лучше?

– Конечно, наш фирменный, – гордо заявила девушка. – Он, правда, чуть-чуть дороже обычного, но всем очень нравится. Вот тут в меню про него подробно написано.

Я начала читать пункт, на который указала официантка.

«Чай «Английский полдник в Лоскутове». Собранный на лучших плантациях Индии, обработанный по уникальной технологии в Италии, расфасованный в герметичные пакеты во Франции, этот лист прибыл к нам из Германии. Мы завариваем его с любовью по традициям русского купечества славного города Лоскутово. Наслаждайтесь ароматом и вкусом настоящего английского чая, который предпочитают королевские дворы. Прекрасного вам аппетита, хорошего настроения, добра, удачи и благополучия! Цена за чайник – восемь евро».

Я закрыла карту и вернула ее заученно улыбающейся официантке. Кто-нибудь может объяснить, почему листочки из Индии, побывавшие на фабрике в Италии, затем пропутешествовавшие по маршруту Апеннинский полуостров – Франция – Германия – Россия и в конце концов очутившиеся за Уральскими горами в городе Лоскутово, называются «Настоящим английским чаем»? Может, где-то в недрах кухни уютного кафе прячется подданный Великобритании? Это он, обучившись всем традициям купцов Лоскутова, заливает чайники кипятком? И с какой радости цена указана в евро? Мы же не в Европе. Кстати, если учитывать название напитка, то логичнее было бы выставить счет в фунтах стерлингов.

– Ой, дура! – взвизгнул женский голос. – Ты что сделала?

Я опять посмотрела на соседок. Ольга, вскочив, промокала салфеткой блузку, по которой расплывались темно-коричневые потеки.

– Офигела? – кричала она. – Теперь кофточка испорчена!

– Все претензии к моей кукушке, – спокойно ответила Катя, вставая. – Ты же сказала, что она из меня выскакивает, а кукушки всегда оправдывают чужие ожидания. Услышала птичка твои слова, раз – и вылетела.

– Эй, люди! Она на меня кофе вылила. Видели? – жалобно пропищала Оля, глядя вслед уходящей Кате.

Поскольку в кафе никого, кроме меня и официантки, не было, я сказала:

– Когда я обернулась, инцидент уже произошел, не могу быть свидетелем.

– Заткнись! – топнула ногой Оля. – Раз вы тут такие подлые, оплачивать счет не буду!

Высказавшись, красавица схватила сумку и удрала.

– Ну и ну! – возмутилась я. И повернулась к официантке: – Вам нужно обратиться в полицию.

Работница кафе отреагировала на редкость спокойно.

– Забудьте.

– Вы позволите нахалке просто уйти? – удивилась я. – Судя по пустым чашкам и остаткам пирожных, девицы угостились на славу. Хозяин вычтет у вас из зарплаты стоимость их заказа.

Из служебного помещения высунулся парень.

– Кто тут вопил? Лена, что случилось?

– Оля с Катей поспорили, не беспокойтесь, Николай Сергеевич, – ответила официантка.

– А-а-а... – протянул молодой человек. – Ладно, убери поскорей столик.

Во мне проснулось любопытство.

– Вы знаете этих посетительниц?

- Нет, - отрезала Елена.

- Только что назвали их по именам, - напомнила я.

- Вам показалось.

- Вы сказали: «Оля с Катей поспорили», - зачем-то продолжила я бессмысленный разговор.

- Вы не местная? - задала свой вопрос официантка. - Из Москвы? А как вы по-тамошнему. У меня сестра в столице живет, в Чертанове, летаю к ней несколько раз в году, знаю, как у вас говорят: Масква-а?а... В каждом городе свои привычки, у нас в Лоскутове всех незнакомых женщин Олями и Катями называют. Увидят мужики симпатяшку и скажут: «Во, Ольга идет!» Или Катька. Да, здесь так. Чай нести?

Послышался звонок колокольчика, в кафе вошел мой начальник Иван Никифорович.

- Вот ты где! Звоню, звоню в номер, не отвечаешь. Нас ждут в пять вечера. Успела поесть?

- Да, - соврала я и посмотрела на настенные часы. - Сейчас шестнадцать сорок пять; похоже, мы опоздаем, непременно ведь в пробке застрянем.

- Пойдем пешком, дом на соседней улице, - пояснил Иван, - тут пять минут неспешным шагом. И в благословенном Лоскутове заторов нет. Жду тебя на улице, а то душно тут.

Шеф ушел. Я встала.

- Простите, работа зовет.

- Ни чая, ни пирожков не хотите? - уточнила Лена.

- В следующий раз, - ответила я, - не сегодня.

Едва мы отошли от кафе, как Иван полез в карман пиджака, вытащил пачку сигарет, подержал в руке, а потом неожиданно бросил в урну в виде красного пингвина. Увидев ее, я восхитилась:

- Ну надо же! Такие стояли в Москве во времена моего детства. Только вроде они были черно-белыми. А сейчас в столице днем с огнем такой урны не найти. Послушай, ты вроде выкинул полную пачку. Или мне показалось?

- Нет, не показалось, - ответил шеф. - Я бросаю курить.

- Молодец, - одобрила я. - Давно? Вчера ты еще дымил.

- Я уже час без никотина, - гордо сообщил начальник. - Не понимаю, почему люди твердят, что трудно отказаться от пагубной привычки? Никаких неудобств я не испытываю.

- Тебе повезло, - улыбнулась я. - Когда у Димона родился ребенок, Кораблев тоже отказался от сигарет. Мучился полгода, все вспомогательные средства перепробовал, еле-еле отвык.

- Не хочу никого обидеть, - после паузы продолжил Иван, - знаю, что Дима твой близкий друг и гениальный специалист...

- Верно, - согласилась я, - Кораблев лучший в мире компьютерщик, это даже наш Роберт признает.

- Но вот с силой воли у него слабовато, - закончил фразу Тарасов, - поэтому он с никотиновой зависимостью так долго боролся. А я железный.

- Ага, - пробормотала я. - Только, понимаешь, всего шестьдесят минут без курева - это очень мало и...

- Ошибаешься, - перебил меня Иван, - самые трудные именно первые мгновения.

- Да ну? Кто тебе это сказал? - удивилась я.

– А я книгу скачал – «Жизнь без сигарет. Легко и просто. Советы никотинолога», – пояснил шеф, – в ней прочитал.

– Никотинолог? – изумленно повторила я. – Впервые слышу о таком специалисте.

– Когда мир начал бороться с табакокурением, появились никотинологи, – снисходительно пояснил Иван, – это психологи, которые помогают людям справляться с зависимостью от никотина.

– А-а-а... – протянула я.

– Мама мне посоветовала, – уточнил Тарасов, – у нее куча знакомых с помощью этой книги бросили курить. Там очень подробно и простым языком написано, как надо себя вести, чтобы навсегда забыть про пагубную привычку. Вот послушай.

Иван Никифорович вытащил из кармана айфон, открыл нужную страничку и начал читать:

– «Решили бросить курить? Вы молодец. Я горжусь вами. Не сворачивайте с намеченного пути. Уверен, у вас это получится. Вы смелая, волевая, сильная личность, именно вы хозяин своего тела, а не сигарета. Запомните это. Скажите: «Нет» – и выбросите пачку немедленно. Если имеете привычку распахивать сигареты по всем карманам, как только наткнетесь на них, швыряйте «раковые палочки» в мусор. Это ваша задача на первые шестьдесят минут».

– Раковые палочки? – пробормотала я. – Оригинально.

Иван собрался спрятать телефон.

– Автор так именуется сигареты.

И тут из руки шефа донеслось тихое попискивание.

– Эсэмэска прилетела, – сказала я.

– Нет, напоминалка сработала, – оживился Тарасов. – Значит, первые шестьдесят минут я без сигареты продержался. Что там дальше? «Дорогой друг! Следующий сложный период: два часа без никотина. Чтобы его пережить, нужно правильно себя вести. Расскажите родителям, друзьям, коллегам о том, что более никогда не намерены прикасаться к «козьим ножкам». Если почувствуете сильное желание отравиться никотином, выходите на улицу и говорите прохожим о своем решении бросить курить. Вы человек слова. Вам стыдно его нарушить. Весь мир в курсе того, что вы задумали отказаться от табака. Неужели сдадитесь? Неужели распишетесь в собственном безволии? Нет, нет, нет! Итак, начинаются самые ответственные сто двадцать минут. Переживите их с высоко поднятой головой. Вы сможете. Я верю в вас. Я вами восхищаюсь. Вы железный. Вы чугунный. Вы кремь!» – Шеф сунул айфон в карман. – Не зря эта книга пользуется огромной популярностью, очень воодушевляющий текст. Так умно построен! Не следует читать ее одним махом. Покупаешь ее, качиваешь в телефон, и программа начинает работать – в нужное время ты получаешь очередную порцию информации. Я продержался час, стал испытывать желание покурить – бумс, появилась страница с правильными словами. Враз охота дымить пропала. Так, тебе я уже рассказал о своем решении, мама знает, надо будет сообщить всей бригаде... Нам сюда. Вот дом Шаровых.

Я посмотрела на трехэтажный особняк с балконами.

– Величественное сооружение. Да еще с мемориальной доской.

Иван Никифорович подошел поближе к стене и стал читать вслух:

– «Здание построено архитектором Кутовым по заказу Михаила Ильича Шарова, владельца завода «Посуда Шарова». Памятник архитектуры. Охраняется мэрией Лоскутова».

Дверь дома открылась, на крыльцо вышла девушка.

– Вы, наверное, полицейские из Москвы? – спросила она. – Отец вас ждет. Проходите, пожалуйста.

– Наверх глянь, – шепнул Иван, когда мы вошли в овальный холл.

Я задрала голову и увидела куполообразный потолок, украшенный фреской, которую уместнее всего было бы назвать «Чаепитие богов в Лоскутове». На картине были изображены герои греческих мифов на горе Олимп, в принципе весьма распространенный сюжет для мастеров прошлых веков, но его отличала одна деталь: Зевс, Гера, Аполлон и прочие небожители Эллады угощались напитком из фарфоровых чашек с яркой надписью «Посуда Шарова», а центр стола украшал чайник с тем же фирменным знаком.

– Дом отделявали мастера из Италии, – пояснила девушка, заметив, что я рассматриваю потолочное панно, – но Михаил Ильич, наш прапрадед, сам продумал интерьер особняка, каждое помещение носит свое имя. Сейчас мы находимся в парадной прихожей «Боги Олимпа», через коридор «Римские каникулы» попадем в малую гостиную «Весна Флоренции». Василий Петрович, мой отец, провел ремонт, и дом стал еще прекраснее.

– Отрадно, когда люди чтят память предков, – заметил Иван Никифорович, – человек, не помнящий родства, не вызывает уважения.

– Все Шаровы считают так же, – кивнула девушка, вводя нас в квадратную комнату, обставленную мягкой мебелью, обитой нежно-зеленой тканью в мелкий цветочек.

Высокий мужчина встал из кресла и пошел нам навстречу.

– Добрый день, господа, рад, что вы нашли время прилететь. Как устроились? Номера удобные? Я просил Олега Лазаревича, владельца отеля, чтобы моих гостей разместили наилучшим образом.

Иван не стал долго поддерживать светскую беседу.

– Спасибо, комнаты хорошие. Разрешите представить вам начальника особой бригады Татьяну Сергееву. Давайте сразу приступим к делу. У нас имеются лишь общие сведения, хочется узнать подробности.

Хозяин дома показал на диван.

– Прошу, присаживайтесь. Думаю, вы поняли, что я Василий Петрович Шаров. Красавица, встретившая вас, моя старшая дочь Анна, она заведует на нашей фабрике отделом vip-клиентов, который занимается производством сервизов, ваз и прочих предметов на заказ.

– Все, что клиенты попросят, – пояснила, улыбнувшись, Аня, – любая тематика, роспись по их желанию, нет ограничения их фантазии. – Затем она предложила: – Чай, кофе?

– Можно капучино? – попросила я.

– Конечно, с огромным удовольствием, – кивнула дочь хозяина. И посмотрела на моего шефа. – А вам?

– Любой чай по вашему вкусу, – ответил тот.

– О нет! – вдруг запротестовал Василий Петрович. – Не советую ориентироваться на ее пристрастия. Она пьет исключительно Лапшанг Сусонг, и особо чувствительные люди, уловив его аромат, падают в обморок. Напиток с запахом и вкусом испорченной рыбы, прямо скажем, на любителя. Аня, сделай одолжение, не пугай москвичей, угостись в их присутствии эспрессо.

– Ну, не все так плохо, – весело сказала девушка, – просто у папы обостренное обоняние, ему даже предлагали стать «носом», то есть человеком, который создает духи.

– Итак, в чем проблема? – деловито поинтересовался Иван, глядя вслед Анне, двинувшейся к выходу из гостиной.

Василий Петрович стер с лица улыбку светского льва.

– Попробую рассказать последовательно.

Я незаметно включила в кармане крохотный, но очень чуткий диктофон.

– Чтобы вы разобрались в сути вопроса, начать придется издалека, – предупредил владелец дома.

– Мы никуда не торопимся, – сказала я, – чем больше информации, тем лучше.

– Отлично, – обрадовался Шаров и завел историю.

...С давних времен жители Лоскутова зарабатывали на жизнь производством посуды. Деревенька очень удачно стояла возле большого оврага, где было много глины. Местный люд лепил незатейливые кособокие плоские, обжигал их в печках и продавал на базаре. Заняться обычным крестьянским трудом, то есть выращивать зерновые культуры или овощи-фрукты, лоскутовцы не могли – на глинистой почве ничего хорошего не росло. Хотя, если честно, то и с посудой дело обстояло неважно, она была некрасивой и долго не жила. Горшки-кувшины-тарелки быстро покрывались трещинами, протекали, народ брал их только потому, что леворукие мастера соглашались на обмен: отдавали кучу кружек-мисок за небольшое количество муки или мешок брюквы.

Все изменилось в тринадцатом веке, когда некая Марфа, вдова с тремя детьми, приютила у себя в доме солдата. Баба пустила служивого переночевать из жалости, уж больно несчастным тот выглядел: длинный, худой, сутулый. Через неделю местные кумушки принялись допрашивать Марфу, надолго ли солдатик задержится в Лоскутове, а та огорошила подружек заявлением, что они с Емельяном пойдут к батюшке за благословением на свадьбу. Сплетницы решили, что Марфа окончательно из ума выжила, мало ей троих вечно голодных, оборванных мальчишек, так еще решила себе на шею не пойми кого посадить. Короче, все стали ждать, когда бывший служивый начнет колотить свою молодуху.

А через год все Лоскутово, кроме семьи Федора Бражкина, работало на Емельяна. Шаров оказался совсем не глуп, и у него, как выяснилось, водились деньги. Откуда ни возьмись в Лоскутово приехали приятели солдата, и местный люд охнуть не успел, как они развернули бешеную деятельность, организовали артель, начали делать посуду, которая оказалась намного лучше той, что лепили местные мужики.

Прошли столетия. В середине девятнадцатого века изделия от Шарова были почти в каждой российской семье, а в Лоскутове работал огромный завод.

Деревенька давно превратилась в город, добрая половина которого принадлежала купцам Шаровым. Потомки Емельяна и Марфы занимались не только производством фарфора, но и открыли школы, построили несколько церквей, обучали рабочих. Многие в Лоскутове молились за здоровье хозяев, дававших населению стабильную работу с хорошей зарплатой и, как принято говорить сейчас, социальный пакет. Однако в море народной любви к фабрикантам присутствовал литр яда.

В Лоскутове жили также те, кто ненавидел Шаровых, это были потомки Федора Бражкина и их друзья. Почему между Бражкиными и Шаровыми возникла вражда? Легенда гласит, что Емельян, женившись на Марфе и открыв мастерскую, крепко поругался с Федором, который, оправдывая свою фамилию, варил брагу и продавал ее. Вроде бы Шаров потребовал от соседа прекратить незаконную торговлю, а когда тот не послушался, «стукнул» на него в полицию, и Федора отправили на каторгу. Жена Бражкина осталась одна с кучей детей, все они вскоре умерли от голода.

Жуткая история, правдивость которой вызывает сомнения. Лоскутово в те патриархальные времена являлось забытым богом местом, крохотной деревушкой. Была ли там полиция? Существовали ли на Руси в давнюю давнину жандармы? И если все дети бедной женщины ушли в лучший мир, то как появились на свет потомки Бражкина? Но на то и легенда, чтобы в нее верили, несмотря на отсутствие логики. Главное: с той поры Шаровы и Бражкины скалят друг на друга зубы. Обе семьи, всегда бывшие самыми богатыми в околотке, неустанно дрались и мерились достатком.

Когда в конце девятнадцатого века Михаил Ильич, прадед Василия Петровича, возвел шикарный особняк, Бражкин мигом построил усадьбу в пяти километрах от городка. Шаров развивал посудный бизнес, а Петр Федорович торговал продуктами, имел лицензию на продажу спиртного, принадлежавшие ему обозы колесили по России. Михаил Ильич отправил сына учиться во Францию, Бражкин отвез своих мальчиков в Германию. На Рождество Шаровы раздавали бедным подарки – понятное дело, это была посуда. Бражкины тоже не забывали о милосердии и со словами: «Какой толк в миске, если та пуста?» приносили нищим продукты, причем среди яств всегда была бутылочка «беленькой». Поэтому Шаровы обвиняли Бражкиных в спаивании народа.

Но все-таки люди конца девятнадцатого – начала двадцатого века были более лояльны, чем их далекие предки. Кулачных боев Михаил Ильич и Петр

Федорович не затевали, поджогов домов-лавок не устраивали, яд друг другу в еду не подсыпали. А вот раньше подобное случалось. Лоскутовцы из поколения в поколение передавали рассказы, как в бог весть какие времена один из Шаровых зарубил топором Бражкина, за что сын погибшего пустил «красного петуха» на фабрику убийцы. Было ли это правдой? Нет ответа на сей вопрос. Но обитатели Лоскутова верили охотничьим байкам. Город давным-давно разделился на два лагеря: шаровцы и бражкинцы. Люди самозабвенно обсуждали, как стародавние противники строят роскошные дома, пытаются во всем перещеголять друг друга.

В тысяча девятьсот семнадцатом году грянул большевистский переворот, и вражда вспыхнула ярким факелом. Шаровы были за белых, Бражкины за красных, в Лоскутове несколько раз менялась власть... На эту тему написано много книг, незачем долго рассказывать, как потомки Емельяна и Федора начали уничтожать друг друга. Потом случился тридцать седьмой год, затем грянула война. Из Шаровых выжили двое: младший сын Михаила, Илья, и Петр, сын Ильи, родившийся до войны, но в силу юного возраста в ней не участвовавший. Бражкиных тоже осталось двое: появившийся на свет в один год с Петей Семен и его отец, Константин Федорович, ровесник Ильи Михайловича. Остальные Шаровы и Бражкины погибли. Но даже смерть всех родичей не примирила Илью и Константина. В семьях появились дети, и им с раннего детства внушали: Шаровы и Бражкины враги.

Когда началась перестройка, внук Ильи Михайловича, Василий Петрович Шаров, приватизировал умирающую фабрику посуды и за короткий срок ухитрился сделать ее преуспевающим предприятием. Он выкупил дом предков, где в советские годы находился горсовет, сделал ремонт и сейчас благополучно живет в особняке вместе с тремя дочерьми, матерью и любимой женой.

А внук Константина Федоровича, Игорь Семенович Бражкин, продолжая традиции предков, открыл большой продуктовый рынок, который со временем переделал в супермаркеты. Магазины Бражкина давно перестали быть приметам только Лоскутова, филиалы находятся во многих городах.

Одним словом, и Василий Петрович, и Игорь Семенович добились материального успеха. Кроме того, они оба счастливы в семейной жизни.

Шаров женат на тихой Светлане Алексеевне. Брак был заключен по страстной любви, хотя Алевтина Степановна, мать Василия, говорила ему:

– Сыночек, зачем тебе девушка без рода, без племени? Ни отца, ни матери, ни каких-либо родственников у нее нет, она не пойми откуда приехала в Лоскутово. Сейчас Света тебе нравится, но что будет лет через пять, когда страсть утихнет? О чем вы с ней разговаривать станете? Что за хозяйка получится из неловкой девочки? Сумеет ли она аккуратно распоряжаться деньгами? Посмотри вокруг, есть много достойных невест, равных тебе по происхождению и воспитанию. Например, Каролина Круглова, наследница прекрасной обеспеченной семьи, красавица. А Света, уж прости за откровенность, неприметная, тощенькая, мордочка блеклая, говорит еле слышно, улыбаться не умеет. Ну что ты в ней нашел?

Но, несмотря на речи Алевтины Степановны, Василий заключил брак и вот уже много лет живет с супругой душа в душу. У них три дочери: Аня, Катя и Оля. Все три девушки умницы-красавицы, гордость родителей.

Петр Ильич Шаров, отец Василия, к сожалению, скончался вскоре после рождения сына. Зато Илья Михайлович, дед, перешагнул за столетний юбилей, заменил внуку отца, вырастил его и умер, успев увидеть, как Василий Петрович возродил производство посуды и разбогател.

Алевтина Степановна, слава богу, жива и вполне бодра, она, несмотря на старческие хвори, крепкой рукой ведет хозяйство. Светлана Алексеевна выучилась на эндокринолога, является главврачом центральной лоскутовской больницы...

Глава 3

Послышалось тихое позвякивание, в гостиную с подносом в руках вернулась Аня. Она начала ставить на столик чашки, печенье, конфеты. Отец спокойно подождал, пока дочь снова уйдет, и продолжил рассказ. Я опять незаметно включила в кармане диктофон и превратилась в слух.

...Не так давно Василий Петрович решил стать мэром Лоскутова – успешный бизнесмен решил строить политическую карьеру, улучшить жизнь в родном городе. Понятное дело, что сотрудники объединения «Посуда Шарова»

собрались всем коллективом проголосовать за босса. Василий хороший хозяин, его уважают и любят. А прежний мэр хотел баллотироваться на второй срок и не собирався сдавать свои позиции без боя. На самом деле кандидатов на высокий пост было пятеро, но все прекрасно понимали, что реальных претендентов двое, оставшиеся не наберут и одного процента голосов. И вот вам самая интересная деталь: имя действующего градоначальника, который не желает уступать кресло Шарову, Игорь Семенович Бражкин.

Разгорелась предвыборная борьба, в процессе которой противники сначала вели себя корректно, но потом пустили в ход когти и зубы. Василий Петрович напомнил мэру его обещание построить новый корпус больницы.

«И где же здание, оборудованное по последнему слову медтехники? – вопрошал Шаров. – Где просторные палаты? Где суперсовременный томограф? Куда пошли деньги, выделенные на возведение клиники? Мы видим законсервированный котлован».

Игорь Семенович не растерялся и заявил о несчастье, которое случилось на фабрике Шарова.

«Широкая общественность ничего об этом не слышала, но мне стало известно, что рабочий Сергей Вахрушин погиб, когда вышла из строя одна из печей. Василий Петрович заткнул семье покойного рот деньгами, и шума не возникло. Но если человек не способен навести порядок на собственном предприятии, сумеет ли он руководить городским хозяйством?»

И пошел обмен «комплиментами», которые делались все злее и злее. А потом Бражкин погиб в банальном ДТП... – Василий Петрович примолк, затем спросил:

– Понимаете?

– Конечно, – кивнула я. – Сейчас Лоскутово и окрестности наверняка всю обсуждают произошедшее. Друзья Игоря Семеновича открыто говорят, что Шаров решил убрать конкурента, вспоминают историю вражды двух семей...

– В точку, – нахмурился хозяин.

– Мой сын неспособен на смертный грех! – раздался из коридора звонкий голос, и в гостиную вошла пожилая дама в красивом темно-бордовом платье. – А вот Бражкин преступник, это известный факт.

Василий Петрович встал.

– Знакомьтесь, господа, Алевтина Степановна, моя мать. Мама, это специалисты из Москвы, Иван Тарасов и Татьяна Сергеева.

– Очень приятно, – хором сказали мы с шефом.

– Вы муж и жена? – осведомилась Шарова.

– Нет, – быстро ответила я, – коллеги.

– Мама, они из Москвы, – повторил Василий Петрович, – я вызвал лучших из лучших, чтобы нашли мерзавца, который сбил Игоря.

Алевтина Степановна приподняла правую бровь.

– Мерзавца? Ну-ну... Господа, мой сын излишне толерантен. Подонком в этой ситуации является Бухалкин.

– Бражкин, мама, – поправил сын.

– Что в лоб, что по лбу, – сердито отмахнулась родительница, – суть не меняется. Человек, наехавший на Бухалкина, купил бутылку водки в его магазине, выпил ее и сел за руль. Бог просто восстановил справедливость, всевышнего не обманешь. Кто виноват в смерти Бухалкина? Он сам! Не стоило ему спаивать русский народ. А ты хочешь наказать несчастного, который очистил мир от черной плесени.

Василий Петрович молча слушал пожилую даму. Было ясно: он понимает, что спорить с матерью бесполезное дело, та останется при своем мнении.

– Бабулечка! – крикнул из коридора девичий голосок. – Оля разбила голубой графин!

Хозяйка вскочила.

– Опять безобразница набедокурила... Иду уже!

Алевтина Степановна двинулась к двери, но на пороге обернулась и посмотрела сыну прямо в глаза.

– Глупое дело ты затеял. Вспомни нашего мальчика, несчастного Степана, и подумай, кто виноват в его безвременной кончине.

Шаров с минуту молчал. Иван Никифорович кашлянул.

– Я тоже с мамой живу. К сожалению, она порой склонна делать поспешные выводы, и ей трудно согласиться с чужим мнением. Давайте вернемся к Игорю Семеновичу. Что с ним случилось? Мы, конечно, можем сами все выяснить, но хочется выслушать историю от вас.

– Местный начальник полиции Федор Михайлович Дубов будет вам помогать. Он наш общий с Гариком приятель, – вздохнул бизнесмен, – вечно то у него, то у меня списывал домашние задания, мы с Федей за одной партой сидели.

– Бражкин был вашим одноклассником? – уточнила я.

– Сейчас в Лоскутове учебных заведений много, на выбор, – улыбнулся собеседник. – И частных, и муниципальных, есть даже гимназия, где латынь и древнегреческий преподают. Но во времена нашего с Гариком детства была лишь одна, как сейчас принято говорить, элитная школа. Не удивлю ведь, если скажу, что конкурс в ней устраивали не для детей, а для родителей. Нас с Игорем и Федей зачислили в первый «Б».

– И как вели себя дети, чьи предки с незапамятных времен состояли в непримиримой вражде? – поинтересовался Иван.

– Сначала глупо, – признался Василий Петрович. – Класса до шестого мы дрались по любому поводу, а потом подружились. Но, понимая, что родителям наша дружба никак не понравится, скрывали ее. Ни один человек не знал, что мы часто проводили вместе время после уроков.

- Лоскутово стало разрастаться после перестройки? - уточнила я.

- Да, в середине девяностых очень быстро появились новые дома - наша фабрика дала рабочие места, и это привлекло народ со всей России, - кивнул Шаров. - Я горжусь тем, что поднял из руин градообразующее предприятие. Сейчас оно одно из крупнейших в Европе. Лоскутово расширилось, слилось с соседним Новокожинском, где находится завод, на котором делают ремни для вентиляторов и много еще чего из кожи. Потом к конгломерату присоединились поселки Матвеевск, Бруново, Лапино, еще Филимоново пару лет назад влилось, по их названиям стали именовать районы Лоскутова. Если так дальше пойдет, придется задуматься о строительстве метро. Ну это пока шутка, хотя в ней большая доля правды.

- Сейчас двум мальчикам, решившим скрыть свои дружеские отношения, сделать это совсем не трудно, - сказала я, - сел после занятий в маршрутку, укатил из центра города, допустим, в Матвеевск, и там знакомых не встретишь. Но как вам-то удавалось дружить? Неужели никто не видел отпрысков местных Монтеки и Капулетти на совместных прогулках и их родителям не стукнул?

Василий Петрович встал, взял с книжной полки альбом, перелистал страницы и показал один снимок.

- Это Фрида Генриховна Брауде, доктор исторических наук, автор популярных детских книг «Жизнь маленького Вани», «Приключения мальчика из семнадцатого века». Я лет в тринадцать зачитывался ее приключенческими романами. Брауде считалась местной знаменитостью. В советские времена она летала за границу, выступала там на каких-то конференциях, часто бывала в Москве, дружила со столичными актерами-музыкантами. Фрида Генриховна была одинока, но очень любила детей и пару раз приходила в школу, где мы учились. После очередного выступления писательница спросила у меня: «Васенька, ты любишь Майн Рида?» Я честно ответил, что впервые слышу об этом авторе. Брауде протянула мне небольшой листочек и сказала:

«Вот моя визитная карточка, тут указаны адрес и телефон. Дам почитать тебе «Всадника без головы». Скажи родителям, что я тебя пригласила, и приходи завтра после уроков в гости». Конечно, мама без вопросов меня отпустила. А я буквально онемел, когда вошел в апартаменты Фриды Генриховны. Не подумайте, что я жил в трущобе и обомлел, увидев богато убранные комнаты

с хрусталем в горках и бронзовыми люстрами под потолками. Мой дед хорошо зарабатывал, мама была гинекологом, главврачом роддома, мы жили в полном достатке. Но книг в доме не водилось.

Василий Петрович усмехнулся.

– Вернее, у матери в спальне были специализированные издания, поэтому я был очень продвинутым мальчиком по части акушерства и гинекологии, что резко повышало мой рейтинг среди друзей. Дед и мать по вечерам часто отсутствовали, я приглашал ребят, и мы самозабвенно разглядывали картинки в медицинских справочниках. Современные подростки могут свободно купить всякие эротические журналы, влезть в Интернет, а у нас в их возрасте такой возможности не было. У деда тоже стояли книги, но относящиеся к его работе, и еще художественные альбомы, которые меня не интересовали. А у Брауде все шкафы оказались набиты томами, книжные полки были везде, даже на кухне и в туалете. В первый-то раз я прибежал к Фриде Генриховне из простого любопытства, хотелось посмотреть, как живут знаменитости, ведь Фриду Генриховну один раз даже показали по телевизору. – Шаров секунду помолчал. – Брауде дала мне Майн Рида, велела прочитать за десять дней и вернуть, предупредив, что спросит о содержании. Я честно прочел, однако не впечатлился. И потом откровенно заявил: «Книжка для девчонок». Писательница рассмеялась и вручила мне «Таинственный остров» Жюль Верна. Вот он мне чрезвычайно понравился. Я стал регулярно бегать к Брауде и через полтора месяца столкнулся на ее кухне с Бражкиным. Сейчас-то я понимаю, что мудрая женщина решила искоренить вражду между семьями, задумала нас подружить. Мы с Гариком сначала недовольно фыркали при встречах, потом нам стало интересно вместе. О чем только мы не говорили с Брауде, сидя за круглым столом, покрытым потертой бархатной скатертью. Пили крепко заваренный чай, прямо чифир, ели сушки и болтали часами: о литературе, философии, истории, любви, зависти, понятии долга, даже о сексе. В общем, Фрида Генриховна была моими университетами. Она умерла, когда мы с Игорем учились в выпускном классе, и наше частое общение с Бражкиным прекратилось. Потом мы оба уехали в Екатеринбург, который тогда назывался Свердловском, поступили в разные институты. Общих интересов не стало, но расположение друг к другу мы сохранили, пересекались порой в общих компаниях. Вероятно, вернувшись в Лоскутово, мы, став взрослыми, смогли бы нормально общаться. Но тут случилась история с Каролиной Кругловой. – Василий Петрович поморщился. – Не люблю людей, которые во всех больших и малых неприятностях обвиняют родителей, но в произошедшее в самом деле внесла свою лепту мама, подталкивая меня к женитьбе на Каролине. Стоило мне на выходные

или праздники прикатить домой, как она тут же либо звала меня пойти вместе с ней в гости к Кругловым, либо их к нам зазывала, а потом, когда мы оставались одни, заводила: «Каролина такая красивая стала! Очень достойная девушка! Отец интеллигентнейший человек, мать милейшая женщина. Карочка играет на пианино, владеет английским языком, учится на терапевта...» Круглова и правда была симпатичной, да только мне не нравилась. Но маму, если она что задумает, даже всемирный потоп не остановит. Она купила два билета в театр и велела пригласить Каролину. Я, чтобы избежать скандала, согласился, пошел на идиотский спектакль. Еле-еле высидел до конца, чуть со скуки не умер. Потом, конечно, проводил Каролину до дома и услышал: «Вася, спасибо за чудесный вечер, я твоя должница. Приглашаю тебя в субботу на свой день рождения». И что мне оставалось делать?

– Обложили, как волка флажками, – с сочувствием произнес Иван Никифорович. – Иногда женщины могут загнать в угол, из которого живым не выбраться.

– Пришлось покупать букет цветов и направляться туда, куда совсем не хотелось, – вздохнул Василий Петрович. – Вот так судьба порой зависит от мелочи. Нет бы ответить: прости, Каролина, я занят. И все. Все! Ан нет, хорошее воспитание помешало. Гостей оказалось тьма, но Каролина кинулась ко мне, забыв про остальных, и не отходила весь вечер. Все сразу сделали вывод: мы – пара. И как назло, там оказался Бражкин. Игорь выпил, взял меня за локоть и спросил: «У вас с Карой серьезно?» Я стал выворачиваться: «Ты о чем?» Гарик надулся: «Я понять не мог, почему Каролина на меня даже смотреть не хочет, теперь ясно, кто причина. Желаю вам счастья». Короче, я и чихнуть не успел, как молва нас с Кругловой женихом с невестой объявила. Она стала к нам домой заходить, мама ее «моя девочка» называла. Я же, интеллигент паршивый, никак не мог собраться с силами и прояснить недоразумение, стеснялся... А вскоре познакомился со Светланой, влюбился. И наконец завел с Каролиной честный разговор: «Извини, в театр я тогда пригласил тебя по приказу матери, которая мечтает, чтобы я на тебе женился». Кара меня перебила: «А ты против? Я совсем тебе не нравлюсь?» Я и рубанул: «Да, я люблю другую».

– И вы остались живы? – хмыкнул Иван.

– Я пережил череду маминых скандалов, – улыбнулся Василий. – А Кара вышла замуж за Бражкина, и тот после свадьбы перестал со мной здороваться. До смешного доходило. Лоскутово тогда еще не очень велико было, магазины наперечет, столкнемся в какой-нибудь лавке, Игорь отворачивается. Я сообразить не мог, с чего бы это, решил, что его родители узнали про наши нормальные отношения и козью морду сыну состроили. Один раз, когда Бражкин в очередной раз молча мимо прошел, я не выдержал: «Может, хватит нам подростков изображать? Взрослые женатые мужики, скоро по тридцатнику стукнет, а ведем себя глупо, дуемся, как дети». Игорь меня за лацкан пиджака схватил и зашипел: «Думал, я не знаю? Кара мне всю правду рассказала. Она не ты, честная, как алмаз, не способна во лжи жить». Я ничего не понял и спросил: «Гарик, ты о чем?» И он выдал речь. Мол, отношения у нас с Каролиной дошли до интима, несколько месяцев страсть пылала нефтяной бочкой, а потом я переметнулся к Светлане, потому что у той были деньги, очень большие, на средства жены я фабрику и поднял. Представляете поворот сюжета?

Рассказчик обвел нас тяжелым взглядом и продолжил:

– Я растерялся, начал оправдываться: «Игорь, у нас с твоей женой никогда ничего подобного не было. В театр ходили, пару раз в кино, но даже не целовались». А он в ответ: «Не ври! Она в первую брачную ночь расплакалась и выложила, кто ее девственности лишил». Я ему: «Ей-богу, я правду говорю, никакой постели не было! И у Светы ни копейки нет. Откуда бы у нее капиталу взяться?» Тут Гарика понесло: «А где тогда ты бабло взял, которое в фабрику вложил?» Меня его вопрос возмутил. «Твое какое дело?» С той поры мы снова врагами стали. Когда я решил в мэры баллотироваться, Игорь неожиданно позвонил и заорал: «Решил отомстить за то, что Каролина мне трех сыновей родила, а у твоей Светки одни девки получают? Гадалку помнишь? Так все по ее предсказанию будет!»

Василий Петрович опять замолчал, потер шею.

– Не хотел говорить, тяжело до сих пор, но вы все равно узнаете, что к чему. Наши сразу москвичам про ведьму доложат, народ сказки любит. Есть местная легенда. Якобы мой предок Глеб Михайлович один раз повстречал цыганку, и та ему нагадала, что род Шаровых прервется, фабрика перейдет в руки

Бражкиных. Случится это, когда у потомка Глеба родятся подряд три дочери, а у потомка Бражкина появятся на свет три сына, и все дети выживут. Семья Шаровых уйдет в небытие, когда младшая девочка совершит ужасную глупость. До этого у владельцев посудной фабрики и у Бражкиных большинство детей погибнет в младенчестве. – Шаров нахмурился. – Я не верю в предсказания, думаю, что история про цыганку миф, запущенный кем-то из зависти и злости, но все же странно. У Глеба появилось на свет пять дочерей и сын последыш. Все девочки умерли, не достигнув года. Мальчик выжил, у него было семь детей, из них остался лишь мой прадед Михаил Ильич. Из его восьми наследников семеро ушли на тот свет младенцами, за жизнь зацепился только Илья, это мой дед. У него в браке родился лишь один сын Петр. То есть мой отец. С ним особая история. Дед рано женил его на Галине Строевой, но та никак не могла забеременеть, и в конце концов пара развелась. Илья Михайлович через некоторое время сосватал сыну другую жену, с Алевтиной Степановной вы сегодня познакомились. Их отпрыск перед вами. Братьев-сестер у меня нет, отец скончался вскоре после моего рождения, я его плохо помню, папу мне заменил дедушка.

– А что с Бражкиными? – не удержалась я, перебив хозяина дома.

– С ним тоже не все просто, и у них умирали дети. Но! В нашей семье мальчики были редкостью, а у наших врагов получались только пацаны, никаких представительниц слабого пола. И что мы имеем сейчас? Каролина произвела на свет троих парней, у нас со Светой столько же девочек. Слава богу, все живы и здоровы! Нет, нет, все это идиотское совпадение. Однако моя мать верит в предсказание. Помню, когда родилась Аня, старшая дочка, она поджала губы, ни малейшей радости я на ее лице не увидел. Даже не удержался, сделал ей замечание: «Мама, поздравь Свету». А она плечами дернула. «С чем? Ты выбрал неправильную жену, теперь весь род Шаровых погибнет. Вот у Каролины мальчик родился, Бражкины сохранят фамилию. Чует мое сердце, невестка «подарит» тебе еще двух девок».

Василий Петрович показал на стену.

– Видите наше родословное древо?

Иван Никифорович встал и приблизился к картине.

– Ого! Первый Шаров, сын Емельяна и Марфы, появился на свет в одна тысяча двести одиннадцатом году!

Хозяин дома усмехнулся.

– Илья Михайлович, мой дед, решил составить родословную. Он поднял церковные книги, в царские времена их хранили пуще глаза, и ему удалось найти записи о браке Марфы и Емельяна и о рождении у них сына. Но деду документ не понравился.

– Почему? – удивился Иван Никифорович.

Василий Петрович поднялся, подошел к стене, отодвинул висевшую на ней картину, открыл обнажившийся сейф, вынул оттуда лист бумаги и продемонстрировал его нам.

– Дед считал, что Марфа и Емельян жили чуть ли не в библейские старозаветные времена, а тут значит, что они поженились в тысяча семьсот девяностом году. Дров в костер его разочарования подбрасывало то, что в семье Бражкиных есть старинная Библия, в которой скрупулезно делали записи его предки. На первой странице там указана дата «1254 год», именно тогда на свет появился Федор. И что же, получалось, будто род Бражкина, недостойного человека, намного старше семьи Шарова? Дедушка решил слегка подправить историю. Он обложился всякими историческими книгами, атласами, справочниками, корпел над ними долго, потом позвал художника. – Бизнесмен снова сел в кресло. – У меня развито логическое мышление, поэтому в голове сразу возник вопрос: каким образом Емельян и Федор могли поругаться, если Бражкин жил в тринадцатом веке, а Шаров повел Марфу под венец спустя не одно столетие? Церковная книга подлинная, хранится в архиве под замком, значит, либо война между семьями выдумана, либо Бражкин подделал свою семейную Библию, либо Федор прожил фиг знает сколько времени. В последнее верится с трудом. Вывод напрашивается один: наверное, наши предки повздорили не так уж и давно, чуть более двух столетий назад, а то ли дед Игоря, то ли его отец состряпал фальшивую Библию. И как это объяснить Илье Михайловичу? В результате усилий моего дедушки получилось генеалогическое древо, доказывающее, что наш род появился раньше Бражкиных. На мой взгляд, это смешно, но дед упорно всем лгал. Кстати, Илья Михайлович не ладил с Алевтиной, своей невесткой, сердился на нее за то, что она родила только одного сына, меня.

– Но, если я правильно поняла, ваш отец рано скончался, – уточнила я, – ваша мама просто не успела зачать других детей.

Василий Петрович потер затылок.

– Верно. Однако для деда это был не аргумент. До самой своей смерти Илья Михайлович при каждой возможности твердил: «Ерунда вышла – обманула меня Алевтина, здоровой прикидывалась. Когда я сватов засылал, ее родители на иконе клялись: наша семья из века в век многоплодная, наша дочь подарит вам десяток внуков. И я, старый дурак, поверил. Не сообразил: нищие они, голодранцы, хотят больную девку в обеспеченную семью пристроить. Где мои десять внуков? Одним еле-еле разродилась». И вот что интересно. Дед дожил до появления на свет Ани, Кати и Оли. Мою жену Светлану он любил, никогда ее девочками не попрекнул, правнучек обожал. Алевтину Степановну же костерил постоянно. А моя мать, когда увидела новорожденную Аню, закатила скандал, кричала: «Не следовало не пойми на ком жениться, у нее мальчик не получился!» Странно слышать от профессионального гинеколога упреки в адрес женщины за рождение дочери. Пол ребенка при зачатии определяет отец, и я напомнил об этом матери. Она сначала притихла, а потом принялась... лечить меня и невестку.

– От чего? – не поняла я.

– От девочкопроизводства, – без тени улыбки уточнил Шаров. – Сначала велела нам ехать на курорт, пить минеральную воду, затем в ход пошли таблетки, уколы, народные средства. Мы со Светой килограммами ели грецкие орехи, давились тошнотворным травяным чаем, жена забеременела, и... на свет появилась Катя. Ну, не стану утомлять вас ненужными подробностями. У меня прекрасные дочери, я их люблю, больше отпрысков не планировал, и вдруг Света сообщила, что ждет ребенка. Через девять месяцев на свет появился мальчик. Вот она, ирония судьбы – лечились, соблюдали диету, употребляли биодобавки, а рождались девочки, перестали думать об этом, махнули на все рукой, и родился Степан. Здоровый, веселый малыш, который бегал, шалил, как все дети. Моя мама не просто обожала внука, а боготворила его, хвалила по поводу и без оного. «Степочка уронил на пол вазу и разбил ее? Ай молодец! Ни у кого такие красивые осколки получиться не могут, только у Степочки, он артистическая натура». Удивительно, но потворство не испортило ребенка, мальчик, повзрослев, стал сам над собой подтрунивать. Помню, как Степа один раз протянул мне дневник со словами: «Прости, папа, огреб неуд по географии.

Но согласись, двойки, которые я получаю, намного лучше двоек Феди Бражкина, не так ли? У нашего недруга «бананы» простые, а у меня, представителя рода Шаровых, талантливые, высокохудожественные». Справедливости ради замечу, что учился сын хорошо.

– Что с ним случилось? – спросила я.

Василий Петрович ссутулился.

– Степа подцепил простуду, слег. Пару дней его ломало, температура поднялась, но не слишком высоко, врач не беспокоился. Затем начался бронхит, открылся кашель хуже, чем при коклюше, градусник показал сорок. Я опять вызвал доктора, тот диагностировал грипп и немедленно отправил мальчика в больницу. А там у него зашкалило давление, его поместили в реанимацию, но улучшения не наступило. Врачи Степе вводили лекарства внутривенно, но они оказались неэффективны. Градусник стабильно показывал очень высокие цифры, тонометр – двести двадцать на сто сорок. Я перепугался, с помощью санавиации перевез сына в Екатеринбург, и там он умер, из-за гипертонического криза случился инсульт. Диагноз: осложнение на фоне гриппа. Степану едва исполнилось тринадцать.

– Соболезную вашей утрате, – произнес Иван Никифорович. – Давно произошло несчастье?

– Год назад, – пояснил хозяин. – Я поэтому и решил баллотироваться в градоначальники – надеялся, что борьба за кресло мэра отвлечет от мрачных мыслей, которые теснились в моей голове. Ну вот и отвлекся, теперь все говорят, что Шаров убил Бражкина ради захвата власти в Лоскутове. Прошу вас, найдите того, кто лишил Игоря жизни, только так можно обелить мое честное имя.

Я вынула из сумки ноутбук, открыла скайп.

– Сейчас наш сотрудник Троянов расскажет, что он знает о том ДТП. Роб, ты на связи...

По кабинету полетел голос компьютерщика:

– Всем привет! На первый взгляд случай банальный. Игорь Семенович Бражкин был сбит машиной вблизи оживленной трассы, которая ведет на Екатеринбург. Место происшествия пустынное. Вблизи него активно строится новый район Филимоново, но уже готовые дома и те, что только начинают возводить, не выходят к шоссе, подъезда к ним оттуда нет. Что Бражкин делал на проселке, неясно. Одет он был официально, в костюм, рубашку и галстук, но портфеля при себе не имел. Его личный автомобиль находился на парковке у крупного торгового центра Лоскутова.

– Бражкин, наплевав на правила безопасности, сам водил «Мерседес», – перебил Василий Петрович. – Ему не раз говорили: «Вам по статусу положено иметь шофера». Но Игорь отмахивался: «Не желаю быть пассажиром, водитель будет меня раздражать, а я вожу машину с четырнадцатью лет и лучше любого профессионала».

– Как Бражкин добрался до шоссе, сразу не установили, – продолжал Роберт. – Уже говорил, что тело Игоря Семеновича нашли не на шоссе, а на узеньком проселке справа от трассы. О трупке анонимно сообщила женщина, которая позвонила в полицию из телефона-автомата, находившегося у продуктового павильона в пяти километрах от места ДТП по направлению к Екатеринбургу.

– Заявительница проехала мимо, не останавливаясь? – уточнила я.

– Похоже, так, – согласился Троянов. – Невероятно глазастая дамочка. Я изучил снимки местности со спутника, посмотрел план, сделанный полицейскими, и не понял, как она покойника заметила. Звонившая не представилась; едва дежурный попросил ее назвать имя-фамилию, бросила трубку. Продавец магазина понятия не имеет, кто пользовался телефоном; тот находится на улице. Стражи порядка решили, что мэр пал жертвой пьяного водителя. Шофер мчал по магистрали, повернул на проселок, сбил Бражкина и скрылся. Вскрытие эту версию подтвердило – Игорь Семенович скончался от травм, полученных при ударе, скорее всего, легкового автомобиля. Полицейские решили исследовать местность, пошли по проселочной дороге и очутились у мастерской по ремонту гармошек и аккордеонов. На парковочной площадке около нее обнаружилась неприметная, наглухо тонированная темно-синяя «десятка». Подобных в Лоскутове много. Внутри незапертой машины лежала сумка мэра. Да, простите, я не сказал: рядом с телом Бражкина валялся его разбитый мобильный. По документам «десятка» и мастерская принадлежат некоему Николаю Фатееву, жителю Лоскутова.

Василий Петрович кашлянул.

– Мы с ним учились в одном классе. Коля из неблагополучной семьи, родители пили, но сам Фатеев отрицательно относился к алкоголю. Я с ним после окончания школы связи не поддерживал, но иногда на улицах видел его – всегда чисто одет, трезв, но сразу понятно, что большими деньгами не обладает. Я был очень удивлен, когда мне рассказали про принадлежащую Фатееву мастерскую. И уж совсем не представляю, как вещи Игоря оказались в машине Николая. Хотя... Мы ведь были одноклассниками, может, Бражкин с ним во взрослой жизни дружил? Я не в курсе их отношений.

– Николай Витальевич Фатеев прописан на Старом бульваре, дом шесть, квартира пятнадцать, – продолжил Троянов, – мастерскую он приобрел пятнадцать лет назад. Но давайте сначала о ДТП. По следам на земле и на трупе, изучив осколки разбитой фары, эксперт определил марку тачки: «Форд Фокус», цвет черный.

– Мда... – крякнул Иван.

Глава 5

– И я о том же, – подхватил Роберт, – весьма распространенная марка и очень популярный колер. Полиция объявила в розыск автомобиль с поврежденным передним крылом, прошерстила все автомастерские, гаражи, но машина словно утонула. Возникло две версии. Первая: по трассе гнал подвыпивший водитель, который не справился с управлением, его занесло на проселок, алконавт сбил Игоря и умчался прочь. Вторая: мэра убили, старательно представив дело как банальный наезд. Теперь дальше...

Мы внимательно слушали рассказ компьютерщика.

Полицейские опросили жену Бражкина Каролину и всех членов семьи, включая домработницу, Олесю Ивановну Пирогову. Градоначальник жил в загородном особняке в пяти километрах от Лоскутова, большого штата прислуги у него нет. Обычно чиновники такого ранга держат несколько шоферов, охрану, садовника,

горничных, но у Бражкиных не так. Водителей нет, домочадцы сами сидят за рулем, цветами на участке и хозяйством занимается Каролина, ей помогает Пирогова. Олеся служит у Бражкиных много лет, и ничего, кроме слов: «Игорь Семенович был лучшим человеком на свете», из нее вытащить не удалось.

Так что же выяснили местные Пинкертонеры?

В тот день Каролина из дома позвонила мужу в мэрию. Почему не на мобильный? Супруг предупредил ее, что все рабочее время проведет за столом в своем кабинете, никуда выезжать не планирует, и что опять где-то бросил свой сотовый, теперь не может его найти. Поскольку Бражкин пару раз в месяц терял, но потом всегда благополучно находил трубку, жена не удивилась. Вечером она набрала его городской номер и спросила:

«Дорогой, когда ты вернешься?»

«А что у нас на ужин?» – поинтересовался супруг.

«Тушеный кролик, салат с языком, мусс из клубники, – перечислила жена. И пояснила: – Как раз из-за десерта я и волнуюсь, ведь его надо готовить прямо перед подачей».

«Ооо! – обрадовался Игорь Семенович. – Я собирался еще с документами поработать, но меню такое соблазнительное... Ладно, выезжаю через пять минут. Надеюсь, проскочу переезд без проблем».

Вы же помните, что семейство мэра живет за городом? Чтобы попасть домой из Лоскутова, Бражкиным надо пересечь железнодорожные пути, и если шлагбаум опущен, простоять можно долго. Поэтому, когда супруг не вернулся вовремя, Каролина не встревожилась, а стала смотреть телевизор.

Между тем градоначальник к тому моменту уже был мертв. Как выяснилось, он погиб почти сразу после беседы с женой, ее звонок оказался последним, на который мэр ответил. Через четверть часа после Каролины на номер Бражкина стала названивать его мать. Ирина Федоровна настойчива, а сын не имел привычки игнорировать ее вызовы. Но в тот день он никак не мог ответить, потому что умер, разбитый телефон валялся неподалеку от трупа. Старшая Бражкина всполошилась... Дальше понятно.

Однако возникают вопросы. Например, зачем Игорь Семенович солгал жене, что сидит в кабинете? И что вообще он делал поздним вечером на проселочной дороге?

– Я не понял, как Гарик мог отвечать по мобильному, если Каролина ему в офис звонила? – удивился Василий Петрович.

– Не новая уловка, – пустился в пояснения Роберт, – есть программа, которая переадресовывает вызовы со стационарного аппарата на сотовый. Абонент в полной уверенности, что звонит человеку на домашний или служебный номер, а в реальности тот ведет с ним беседу по мобильнику. Теперь о Николае Фатееве. По документам мастерская по ремонту гармошек работает, более того, она приносит прибыль, хотя и копеечную. Фатеев является индивидуальным предпринимателем, платит в положенный срок налоги, претензий к нему нет.

– Так, – протянула я, – в принципе, ничего особенного. Человек владеет небольшим бизнесом.

– Согласен, – подхватил Роберт. – Правда, у меня возник вопрос. Кому сейчас нужны гармошки? Вот у тебя много приятелей, которые в свободное время наяривают на трехрядках?

– Ни одного не припомню, – призналась я.

– Ага. А теперь послушайте разговор Юрия Климова, одного из патрульных, приехавших по вызову анонима на место происшествия, со следователем Валерием Окошкиным. Включаю запись...

Следователь: Вы заметили машину «Жигули» десятой модели. И как поступили?

Патрульный: Удивился я. За фигом она тут? Прошел вверх чуток и увидел, е?мое, мастерскую. Какой болван ее тут открыл? Во блин! Гармошки он чинит... Смехота! Сколько народа к нему ходит, один калека в сто лет? А уж место для бизнеса нашел... Сюда ж никто по своей воле не сунется!

Окошкин: Вам показалось странным, что ремонтом занимаются в глухом углу?

Климов: Дураков на свете много, не подумают, где офис устроить, а потом плачут, что клиентов нет. Мой сосед хотел в селе Безбожном магазин для собак-кошек открыть. Ну не идиот ли? Там одни алкоголики живут! Но этот, с аккордеонами, всех переплюнул, устроился в избе Чубареки.

Валерий: Кто? Что за чебуреки?

Юрий: Чубарека из Филимонова. До сих пор орудует. Весной этого года на Митю Прозорова напал, все лицо ему когтями исцарапал. Митька еле домой дошел и Таньке, жене своей, объяснил: «Чубарека наскочил. Из темноты вылетел, располосовал щеки». Уверен я, Игоря Семеновича та же сволочь сгубила. Только драть не стала, а под машину пихнула. Хоть кого спросите, многие так считают. Избу на дне карьера все стороной обходят. Он там появляется, потому как с колдунами дружил.

Следователь: Чубарека – это фамилия или прозвище? Имя, отчество, адрес мужика знаешь?

Патрульный: Это не мужик.

Валерий: Женщина?

Юрий: Нет. Чубарека он и есть Чубарека. Вы давно в Лоскутове-то?

Окошкин: Какая разница? Приехал два месяца назад. И что?

Климов: Да ничего. Сообразил я: новенький вы. Местные все про Чубареку слышали. Тыщу лет назад в Филимонове жила семья. Мимо ехал барин, он изнасиловал их дочь, потом убил ее и в реку Лоскутку бросил. Мать побежала на берег и попросила водяного Чубареку наказать преступника. Почему она к Чубареке кинулась? Потому что дух реки любил девушку, хотел сделать ее своей женой. Понятно пока объяснил?

Следователь: Мммм...

Патрульный: Чубарека утопил обидчика, а потом из-за того, что любимую потерял, ума от горя лишился. И с той поры наказывает всех, кто плохо себя

ведет. Прозорову за дело досталось – Митька ни одной бабы не пропустит, вот ему Чубарека рожу и покорябал.

Окошкин: Твоего Прозорова какая-нибудь из подружек исцарапала, а он жене наврал про этого Чебурека. Ты надо мной издеваешься?

Климов: Конечно, нет.

Следователь: Тогда за каким хреном сказки рассказываешь? Реально думаешь, что мэра Чебурек переехал?

Патрульный: Он водить не умеет, а под машину запросто пихнет.

Валерий: Ты меня достал! Сейчас позвоню Дубову, пусть начальник полиции с подчиненным-дураком, который в бабкины враки верит, разбирается.

Юрий: Просто я объяснил, чего народ говорит. Поставил вас в известность. Две версии у людей.

Окошкин: Про Чебурека я уже слышал. А еще какая?

Климов: Игоря Семеновича задавил Василий Петрович Шаров.

Валерий: Владелец посудной фабрики?

Юрий: Он самый.

Следователь: Назови мотив.

Патрульный: Они три тыщи лет друг на друга злятся.

Окошкин: Что не поделили? Бабу? Деньги? Когда вражда стартовала? По какой причине?

Климов: Так вы ничего не знаете? Когда еще нашего Лоскутова на свете не существовало, жили в нем Шаровы и Бражкины...

Запись оборвалась.

– Дальше неинтересно, – сказал Роберт, – Юрий пересказывает легенду о междоусобной войне, следовательно окончательно теряет самообладание. Второй патрульный примерно ту же чушь, что и Климов, нес.

– Теперь понимаете? – спросил нас с Иваном Василий Петрович. – Необходимо во что бы то ни стало отыскать того, кто сбил Игоря! Иначе мне до конца жизни носить клеймо убийцы. Ну и выборы я, конечно, с треском проиграю.

– Кто сейчас во главе города? – поинтересовалась я.

– Марлен Фирин, бывший зам Бражкина. Хороший мужик, справляется пока, но мэром ему не бывать. Градоначальником вместо отца хочет стать Константин, старший сын Гарика. Выборы в конце лета, времени у вас не так много, – заметил владелец фабрики.

– Почему Алевтина Степановна обвиняет в смерти внука именно покойного Игоря Семеновича? – изменила я тему беседы.

Шаров отвернулся к окну.

– Матери просто надо найти кого-нибудь, чтобы взвалить вину за эту трагедию. Ей невыносимо осознавать, что Степан умер из-за гриппа. В день, когда он скончался, Каролина привезла в ту же клинику в Екатеринбурге своего младшего внука Евгения, у которого была сильная аллергия. Каталку с потерявшим сознание подростком толкали по коридору отделения реанимации мимо нас, стоявших у входа в палату Степы. Догадываетесь, при каких обстоятельствах толпу родственников в интенсивную терапию приглашают? Мы только-только вышли от Степана. Мальчик еще был жив, но я благодарен доктору, который решил, что ни нам с женой, ни дочерям, ни бабушке не стоит наблюдать за последними минутами жизни ребенка.

Василий Петрович тяжело вздохнул.

– Медики находились у постели Степы, туда спешно привезли какой-то аппарат. Но я уже понял – надежды нет. А Светлана и моя мать твердили: «Сейчас нашего

мальчика спасут. Три профессора здесь, приехал самый главный кардиолог, светило, академик». Но ведь не бог же он! И тут мимо везут Женю. Он весь в капельницах, за каталкой Каролина идет, лицо белое, словно лист бумаги. Кровать на колесах втолкнули в соседнюю палату. Через считанные секунды от Степы вышел тот самый академик и отправился к Жене, а через пару минут нам сообщили о смерти нашего мальчика. Мать с тех пор говорит: «Бражкин убил моего внука. Он позвонил профессору, велел ему бросить Степochку и заняться Евгением». Я-то понимаю, что врач покинул сына, когда констатировал его смерть, и сразу направился к другому ребенку, чье состояние внушало опасения, но вот мама полагает иначе.

– Понятно, – кивнул Иван Никифорович. – Мы начнем работу и посмотрим, как...

В этот момент в кабинет влетела хорошенькая блондиночка с волосами до плеч, с густой челкой и капризно протянула:

– Папа, вели Кате от меня отстать! Почему она себя главной считает? Мне что, до пенсии от нее слышать: «Ты самая младшая, слушай умных людей»?

Я сразу узнала во вбежавшей красавице Олю, девушку из кафе, ту самую, которая, обидевшись на свою спутницу, умчалась прочь, отказавшись оплачивать заказ. Ну, теперь ясно, почему официантка не нервничала. Наверное, счет уже доставили сюда, в красивый особняк отца юной скандалистки.

– Прости, папа, – чуть задыхаясь, сказала другая девушка, тоже заходя в кабинет. – Оля здесь?

Я мигом поняла, что вижу Катю, с которой Оля сидела в кафе за одним столиком. Блондинка высунула язык, выпучила глаза и упала на диван со словами:

– Давно умерла!

– Знакомьтесь, господа, – улыбнулся Василий Петрович, – мои дочери, средняя Екатерина и младшая Ольга.

– Зачем подчеркивать возраст? – тут же разозлилась Оля. – Какая разница, кто когда родился?

Катя опустила ресницы.

- Добрый день. Извините, что помешала, уже ухожу. Ольга, ты со мной!

- Нет, я с папой посижу, - прочирикала сестра.

- Оля, ты со мной! - повелительно произнесла Катерина.

- Иди, дорогая, - распорядился отец, с улыбкой посмотрев на Олю, - у нас дела.

Младшая дочь встала, одернула платье и, забыв попрощаться, выскользнула за дверь. Но проходя мимо Кати, нарочно наступила ей на ногу.

- Ой! - вырвалось у средней сестры.

- Я сделала тебе больно? - преувеличенно заботливо спросила Ольга. - Не хотела! Иди скорее к бабушке, она своей любимице компрессик сделает, укольчик поставит, в кроватку ее уложит. Ты же у нас хрупкая, со слабым иммунитетом, не то что я, лошадь здоровенная.

Екатерина, сказав «до свидания», исчезла в коридоре. За ней, весело хихикая, последовала Оля.

Отец девушек развел руками.

- Дети... Вечно они друг друга подкалывают!

Глава 6

Выйдя из дома Шаровых, Иван полез в правый карман пиджака, потом в левый, затем похлопал себя по бокам.

- Телефон ищешь? - предположила я.

- Нет, он в сумке, - пробормотал босс. - Сигареты найти не могу, была целая пачка, и нету.

- Ты ее выбросил, - напомнила я.

- Черт! Совсем забыл, я же бросил курить, - поморщился Иван. - Голова болеть начала. У тебя есть таблетки? Что-нибудь вроде аспирина.

- Нет. Но вон там аптека, можешь купить, - предложила я. - Подожду тебя здесь.

- Пойдем вместе, - неожиданно попросил шеф. - У меня с фармацевтами никогда разговор не складывается. Не знаю, чем нервирую теток за прилавком, но они вечно вредничают, даже аскорбинку без рецепта не дают. Не любят меня женщины.

- Не преувеличивай, - засмеялась я. - Кстати, мужчины тоже в аптеках работают.

- Не веришь? - прищурился Иван Никифорович. - Сейчас увидишь! Сколько за лекарствами хожу, всегда тетки за прилавком попадают. Не идут парни в провизоры.

Мы с Тарасовым вошли в небольшой торговый зал, и я шепнула боссу:

- Один ноль в мою пользу - здесь лекарства отпускает представитель сильного пола.

- Ему же сто лет, - тихо возразил Иван. - Дед еле-еле жив от старости, его нельзя считать представителем сильного пола.

- Может, он и потерял мужскую силу, - согласилась я, - но женщиной точно никогда не был.

- Что хотите? - громко поинтересовался фармацевт.

Иван толкнул меня в бок.

- Аспирин, пожалуйста, - попросила я.

- Какой? Растворимый, в таблетках?

- Лучше шипучий, - решила я.

- Со вкусом банана подойдет? - уточнил аптекарь.

- Фу, никогда! - передернулся Иван. - Дайте самый простой.

Дедуля снял с носа очки в темно-коричневой оправе, нацепил пенсне, болтавшееся на шнурке на шее, и помрачнел.

- Кто лекарство принимать будет? Вы, девушка?

- Нет, мой спутник, - объяснила я.

- Тогда почему со мной вы беседуете?

- Ну... Иван Никифорович... стеснительный... - замурлыкала я.

- Ситуация ясна, - отрезал дед. - Итак, молодой человек, вам необходим аспирин?

- Не такой уж я и молодой, - закокетничал Иван.

- Лекарство для какой цели? - продолжал дедок.

- Чтобы выпить его, - дал гениальный ответ Тарасов.

- Назовите дозировку, - потребовал провизор.

Иван Никифорович заморгал.

- Разве не все таблетки одинаковые?

– Нет, уважаемый, – торжественно заявил старичок. – Какой специалист прописал вам медикамент?

Иван повернулся ко мне.

– Она.

– Вы врач? – заулыбался, тоже глядя на меня, фармацевт. – Терапевт?

– Не имею медицинского образования, – пробормотала я. – У моего спутника ломит затылок, поэтому я подумала про ацетилсалициловую кислоту.

– Ясно, – проскрипел дед. – Сколько ни толкуй людям о вреде самолечения, всегда найдутся такие индивидуумы, сами себе лекари. Прежде чем отпустить препарат, который, к моему сожалению, выдается без рецепта, я должен уточнить: боль слабой или сильной интенсивности? Что явилось ее причиной? Мигрень? Невралгия? Миалгия, артрит, менструация?

– Последнее маловероятно, – сказала я. – Да и все остальное тоже.

Старичок оперся ладонями о прилавок.

– Прекрасно, думаем дальше. Голубчик, вам когда-нибудь ставили диагноз перикардит, синдром Дресслера, ревматическую хорею? Ваш личный врач вел разговор о профилактике тромбозов и эмболий, развитии инфаркта миокарда, инсульта?

Иван Никифорович попятился.

– Нет.

Дедок приосанился.

– Принимаете гинкго билоба? Обязан предупредить: сочетание этого БАДа с ацетилсалициловой кислотой может привести к закупорке сосудов мозга.

- Мммм, – смутился Иван, – с билбобой я не знаком.

- Прекрасно! – восхитился старичок. – Сейчас получите аспирин. Но! Прежде я обязан информировать вас о побочных эффектах использования лекарства. Частые реакции со стороны больного: тошнота, потеря аппетита, дискомфорт в области желудка, диарея, гастрит, язвенная болезнь. Чуть реже: аллергические реакции, кожная сыпь, «аспириновая» астма и «аспириновая» триада.

- Триада? – переспросил Иван Никифорович. – Преступное объединение лиц китайского происхождения?

Дедуля постучал кулаком по прилавку.

- Нет. «Аспириновая» триада – это: астма, эозинофильный ринит, полипоз носа, гиперпластические синуситы. Кроме вышеперечисленного, у человека, употребляющего аспирин, возможны головная боль, нарушение зрения, шум в ушах, асептический менингит, желудочные кровотечения, печеночная и почечная недостаточность, нефротический синдром, тромбоцитопения, лейкопения, анемия. Вот вам коробочка. Прошу.

Иван Никифорович отпрыгнул от прилавка.

- Не надо. Голова сама прошла.

- Прекрасно, молодой человек, – кивнул дедок. – Разрешите дать вам совет: боль под черепом может возникнуть по многим причинам и...

- Он бросил курить, – весьма невежливо перебила я старика.

Тот обрадовался.

- Почему сразу не сказали? Есть масса средств, облегчающих отвыкание от никотина: жвачки, пластыри, свечи, полоскания.

- Ничего не надо, – гордо отказался шеф. – Я могу справиться с пустяком при помощи силы воли. Уже давно не прикасался к сигаретам...

Раздался звонок телефона. Тарасов глянул на экран и выскочил из аптеки.

- Давно ваш муж покончил с пагубной привычкой? - спросил дедудя.

- С завтрака не дымит, - серьезно ответила я. - И мы не супруги. Приехали в Лоскутово в командировку, Иван Никифорович мой начальник.

Старичок открыл один из ящичков.

- Дорогая, возьмите антеникотинный набор. Молодой человек не первый, кто решил отринуть сигареты без помощи медикаментов. Сейчас ваш спутник пребывает в эйфорически-приподнятом настроении, но к вечеру он потеряет задор и начнет сердиться на вас. Как только увидите оскаленные клыки, доставайте «Антитабак». В его состав входит несколько средств, снимающих раздражение, бессонницу, возбудимость, тремор, недержание мочи, заикание, агрессию.

- Наверное, вы правы, - согласилась я, вынимая кошелек.

- Дорогая, Григорий Николаевич Фролов всегда прав, - похвалил себя дед. - Вы еще сегодня где-нибудь около полуночи вспомните меня добрым словом. Если же ваш шеф совсем выйдет из-под контроля, то вот моя визитка, можете звонить в любое время, всегда дам совет. Я несу ответственность за своих клиентов. Понимаете, душенька, на дворе эпоха капитализма, надо выживать. Эта аптека моя личная собственность. Раньше я жил не тужил - предприятие в самом центре города, народ потоком шел, в Лоскутове мало где лекарства в большом выборе имелись. А теперь ими во всех магазинах торгуют. Пооткрывали ларьков, но разве в них соблюдают правила хранения? А люди не понимают разницы. Мне приходится бороться за каждого покупателя, поэтому я расширяю спектр услуг. Можете звякнуть с любым вопросом. А еще я открыл бесплатный лекторий, по воскресеньям рассказываю о БАДах, здоровом образе жизни.

Я взяла карточку.

- Спрячьте, - велел провизор, - и не выбрасывайте. Никогда не знаешь, что в какую минуту потребуется. А это подарок от меня. Ириски

с антеникотинным эффектом самоприкрепляются во рту, медленно рассасываются, помогают человеку, бросившему курить, снять раздражение, приступы озлобленности.

- Спасибо, но лучше отдайте конфеты кому-нибудь другому, - отказалась я. - Не первый день работаю с Тарасовым, никогда не видела его злым, босс умеет держать себя в руках.

- А сколько раз он на вашей памяти отказывался от табака? - вкрадчиво спросил Фролов.

- Впервые сегодня об этом меня в известность поставил, - призналась я.

- Берите ириски, - чуть рассердился дед.

- Спасибо, вы очень добры.

- Просто я люблю своих клиентов, - улыбнулся Григорий Николаевич.

* * *

Ивана я нашла чуть поодаль от аптеки. Шеф стоял на цыпочках, разводя руки в стороны.

- Эй, с тобой все хорошо? - забеспокоилась я.

Тарасов вздрогнул и чуть не потерял равновесие.

- Занимался упражнениями. Книжка позвонила.

- Книжка? - переспросила я.

- Забыла? - удивился Иван. - Я же объяснял! Ну да, книжка. Та, которую я в телефон закачал. Она меня похвалила за правильное поведение. И я уже не новичок, бросающий курить, а мастер двенадцатого класса.

– Очень интересно, – хмыкнула я. – Теперь можно вопрос по работе? Это мое расследование? Смертью Бражкина занимается моя бригада?

– Конечно, – заверил шеф, – я просто наблюдающий, не обращай на меня внимания. Через пару часов здесь соберутся все: Глеб Валерьянович, Денис, Роберт и Антонина.

Я молча слушала Ивана Никифоровича.

Антонина Юрская – психолог, заменила в моей бригаде Кочергину. Лиза отличный специалист и умная женщина, но в последнее время работать с ней стало почти невозможно – она обижалась по каждому поводу, устраивала истерики, рыдала... Я не знала, что делать. Мне не хотелось жаловаться начальству на Елизавету, с которой нас связывало нечто вроде дружбы, но Кочергина превратилась в балласт, положиться на нее я уже не могла. Следовало, забыв о хороших отношениях, пойти к Ивану и честно сказать: «Лизе лучше отдохнуть. На примете у меня есть Антонина Юрская, она работала с нами, показала себя с лучшей стороны. Тоня не простой детектив, а профессиональный психолог, профайлер, такой специалист в бригаде очень нужен».

Но я все откладывала беседу, надеялась, что Лиза просто устала и все придет в норму. А еще было очень неудобно – мне ни разу не доводилось избавляться от сотрудника в связи с его плохим характером. Я ощущала дискомфорт, считала себя кем-то вроде Салтычихи и терпела закидоны Кочергиной. Слава богу, на помощь неожиданно пришел сам Иван Никифорович. Он сообщил, что при проведении обязательного для всех сотрудников бригады медосмотра у Елизаветы выявили неполадки с гормонами, ей предстоит длительное лечение, закончив которое она скорее всего очутится в другом коллективе, под моим началом более работать не станет.

Я мысленно перекрестилась, пожелала Лизе скорейшего выздоровления и взяла на ее должность Антонину. Иван Никифорович и Петр Степанович, наш очень большой босс, ничего против Юрской не имели. Тоня работает несколько месяцев и с каждым днем нравится мне все больше и больше. Она быстро нашла общий язык с Денисом, Робертом, экспертом Глебом Валерьяновичем Борцовым, не выпячивает свое «я», не подлизывается к Ивану. Я рада, что Антонина с нами, и жду с нетерпением ее прибытия в Лоскутово. Впрочем, для успешного выполнения задания нужны все сотрудники.

А теперь скажите мне, зачем Иван Никифорович полетел за Урал? У Тарасова в подчинении несколько бригад, ему лучше оставаться в офисе, а не кататься по России. Отчего шеф бросил остальных подчиненных и присоединился к нам? Я бы еще поняла его, если бы нынешнее дело было крайне серьезным. Но у нас наезд на мэра города, похоже, банальное ДТП, которое не особенно умелые местные сыщики не смогли распутать. Василий Петрович Шаров, желающий возглавить Лоскутово, дернул все свои связи, вышел на моих боссов, и я оказалась тут. Но зачем приехал Иван? Причем Тарасов второй раз вмешивается в расследование моей бригады. Помню, когда это случилось впервые, я сильно напряглась, приняв его вмешательство за признак недоверия. Но теперь знаю, что Иван Никифорович считает меня, единственную женщину в нашей структуре, занимающую пост начальника бригады, крепким профессионалом. Зачем же ему понадобилось сейчас к нам присоединиться?

Может, прав Глеб Валерьянович? После завершения первого дела, в котором принял участие Иван, эксперт шепнул мне: «Танюша, ты Ване просто нравишься как женщина, вот он и ищет повод оказаться поближе к тебе».

Нет, это невозможно. Я толстая, некрасивая, одеваюсь немодно, макияж накладываю кое-как, об умении готовить, шить, вязать лучше промолчу. Борцов просто пошутил, а я, как дурочка, несколько дней пребывала в задумчивости и искоса поглядывала на Ивана. Потом опомнилась, посмеялась над собой и продолжила спокойно работать. Тарасов тоже занимался служебными делами, никаких попыток сблизиться не делал. Ну, разве что каждый день вызывал меня к себе в кабинет для отчета и подробно расспрашивал, как идут дела. С другими начальниками бригад шеф так не поступает, но проявление интереса к работе никак нельзя считать желанием завести роман. И вот, пожалуйста, получая задание разобраться в смерти Игоря Семеновича Бражкина, я услышала, что Иван Никифорович опять решил поскакать во главе моего войска на лихом коне, с острой шашкой в руке.

Глава 7

– Каковы твои планы? – осведомился босс, встряхивая кистями рук.

– Съезжу к Фатееву, – ответила я. – Побеседую с Николаем Витальевичем, узнаю, с какой прибыли он платит налоги, выясню, почему в его машине оказалась сумка мэра. Может, он объяснит, с чего вдруг Игорь Семенович зарулил на проселочную дорогу.

– Хорошая идея, – одобрил Иван. – А я пообщаюсь с Ириной Федоровной, матерью Бражкина. Ты не против?

– Ты – шеф. Разве я могу возражать против решений начальника? – спросила я.

Тарасов почесал щеку.

– Ага. Так я и думал: ты считаешь, будто я отнимаю у тебя расследование. Василию Петровичу меня попросил помочь... э... один человек. Слушай, не хочу, чтобы между нами возникло недопонимание. Совершенно не собираюсь тебя подсиживать...

Мне стало смешно, и я перебила шефа:

– В табели о рангах ты занимаешь намного более высокое положение, чем я.

– Имел в виду, что не собираюсь взять на твою должность другого сотрудника, – забубнил Иван. – Догадываешься, что не я верховный руководитель?

– Слышала о человеке, который создал структуру наших бригад и теперь руководит ею, – спокойно ответила я. – Но его можно сравнить с саламандрой – о ней говорят, однако никто ее не видел. Может, ее и вовсе нет?

– Наш царь точно есть. И он позвонил мне, – чуть понизил голос Иван, – велел лично проконтролировать исполнение просьбы Шарова. Пришлось лететь за Урал, кожей чувствуя твое недоумение и недовольство. Пойми, я доверяю тебе, как самому себе, но Их Величество отдали приказ, послушаться я не имею права.

Я улыбнулась.

– Иван Никифорович, перестань оправдываться, давай работать. Идея поговорить с Ириной Федоровной отличная, езжай к ней. У тебя очень хорошо получается общаться с леди, справившими семидесятилетие. Меня они недолюбливают.

– Ты отлично придумала отправиться к Фатееву, – зачастил шеф, – вытянешь из мужика необходимые сведения на раз. Прекрасно умеешь разговорить любого человека.

Великолепно! Теперь наши отношения с боссом плавно перетекли в стадию «петух и кукушка»[1 - Татьяна вспоминает басню И. А. Крылова «Кукушка и петух». Здесь и далее примеч. авт.], мы безостановочно хвалим друг друга. Впрочем, это лучше, чем беспрестанно ругаться.

Я уже хотела сесть во взятую напрокат машину, но остановилась.

– Только сейчас сообразила: а почему лоскутовские полицейские не опросили Фатеева? Роберт об этом разговоре не упомянул.

Шеф удивился.

– Хм, действительно... Может, не сочли нужным или забыли?

Я вынула мобильный.

– Роб, глянь, говорил ли с Николаем Фатеевым начальник здешней полиции Дубов? Или беседу провел кто-то другой?

– Нет, – спустя короткое время уточнил Троянов, – с Фатеевым не общались. Не желая никого обидеть или критиковать, замечу, что местные ребята очень медлительны – с Фатеевым они собрались погутарить через неделю после похорон мэра. Тут выяснилось, что Николай Витальевич за день до несчастья с Бражкиным уехал к приятелю в деревню далеко от Лоскутова, парни записали в деле: отсутствует. И все, больше о владельце мастерской не вспоминали.

– И все... – задумчиво повторила я. – Ну, молодцы!

* * *

- Вам кого, девушка? – спросила милая старушка, сразу бесстрашно открыв дверь.

- Николай Витальевич Фатеев здесь живет? – спросила я.

Бабушка отступила в глубь прихожей, повернула голову и позвала:

- Наташа, иди сюда, тут Колей интересуются.

Из коридора появилась молодая женщина, держа на руках щекастого младенца месяцев восьми.

- Дядю Колю ищите? – удивилась она. – Фатеева?

- Да, – подтвердила я, – мне его адрес в справочной дали.

- Вы ему кто? – любопытствовала бабуля.

- Где Николай Витальевич? – повторила я свой вопрос.

- Он умер, – печально ответила Наташа.

- Не может быть, – поразилась я. – Когда?

Молодая мать молча посмотрела на старуху.

- Позавчера похоронили, – сообщила та.

- Вот как... – протянула я. – От чего он скончался?

- Кто вы? Почему вопросы задаете? – пошла в атаку Наташа. – Мы с Галиной Тимофеевной не обязаны посторонним о семейных делах докладывать.

Я вытащила из сумки удостоверение.

– Налоговая полиция.

– Ой! – воскликнула Наташа.

– Проходите, пожалуйста. Хотите чайку-кофейку? – заверещала Галина Тимофеевна. – Печенье недавно испекла, кунжутное. Вкусно получилось, рецепт в Интернете нашла. Только тувельки скиньте, у нас ребенок, каждый день полы моем. Сюда, сюда...

Под неумолчное кудахтанье пожилой женщины я очутилась в небольшой уютной кухне, получила чашку ароматного кофе и повторила вопрос:

– Что случилось с Николаем Витальевичем?

– Грипп его сгубил, – пояснила Наташа. – У дяди Коли близкий приятель есть, лесник, живет в Зырянске, это почти триста километров отсюда. Николай Витальевич к нему три-четыре раза в году ездил. Любил он Зырянск, говорил: «Тишина вокруг, воздух как молоко». Ну и в этом году туда подался. Долго жил у друга, мы уж беспокоиться стали. Приехал две недели назад, мед привез, ягоды сушеные, варенье. А через десять дней позвонил и попросил меня: «Сходи в аптеку, купи что-нибудь от кашля. Дохаю, как старая собака, температура высокая, ломает всего. Только ко мне не заходи, положи лекарства на половичок и отваливай, а то еще малышу заразу принесешь. Грипп у меня». Я так и поступила, а ему посоветовала врача вызвать. А потом Жаба прорезалась: «Коля умер, нужны деньги на похороны». Мы с мамой ей не поверили. Подумали, совсем мерзкая баба человеческий облик потеряла, что угодно готова придумать, лишь бы...

– Извините, я ничего не понимаю, – остановила я Наташу. – Почему вы живете в квартире Фатеева?

– Так она наша, – заявила Галина Тимофеевна. – Лучше сами скажите, чего Николая ищете. Зачем он налоговой полиции понадобился?

Я поставила пустую чашку на блюдце и повернулась к пожилой женщине.

– Спасибо за кофе, очень вкусный. Начнем сначала. Вы кем Фатееву приходитесь?

Галина Тимофеевна смутилась.

– Теткой. Не родной. У Колиной мамы было два мужа, у второго имелся брат Михаил, я его жена. Коля сын от первого брака. Вроде родство никакое, но мы жили дружно, никогда не ругались.

– Поняла, – кивнула я. – А Наташа кто?

Теперь в объяснения пустилась молодая женщина.

– Я невесткой Николая Витальевича считаюсь. У свекра есть сын Жора...

– Погодите, – остановила я ее, – по документам Фатеев одинокий, ни детей, ни жены.

– Верно, – кивнула Наташа, – сейчас расскажу, как это вышло. Дядя Коля душа в душу жил с тетей Леной, они не расписывались, потому что у Елены Павловны законный муж Владимир есть. Лена специально развод не оформляла, потому что ее супруг направо-налево гулял. Понимаете, да?

– Не совсем, – призналась я. – Если муж постоянно изменяет, то, наверное, лучше разорвать брак.

Галина Тимофеевна залпом допила свой кофе и возразила:

– А вот и нет. Коля с Леной хорошо жили, родили Жорика. Но записали мальчика на Володьку, законного мужа.

– И он согласился? – удивилась я.

Пенсионерка всплеснула руками.

– Так у них уговор был: Владимир парня на себя записывает, денег Ленке дает. Он хоть ни одной юбки не пропускает, но не жадный, рубли не считает. А жена, со своей стороны, с ним не разводится, ведь на нее бизнес Вовки оформлен.

– С ума сойти, – пробормотала я, – ничего более странного никогда не слышала.

– И дом Володькин, и участок – все тете Лене принадлежит, – закивала Наташа. – Она инвалид, ей в детстве часть ноги ампутировали, на протезе ходит.

– Бегает, – поправила старушка. – И даже танцует, никогда не подумаешь, что ступни нет.

– Инвалидам же льготы положены, сами знаете, – продолжала Наташа, – за коммуналку, за землю, за дом, за бизнес. Владимиру Ивановичу со всех сторон шоколадно. Если его очередная баба пристаёт: «Распишись со мной», – он сразу в кусты: «Дорогая, я женат, сына имею, Лена больна, у нее ноги нет, не могу убогую бросить». Брак у них только на бумаге, всем это выгодно. Законный муж тете Лене хорошие денежки отстегивает. Елена Михайловна ему готовит, убирает, любят они друг друга, но не как мужчина с женщиной, а как брат с сестрой.

– Сын Лены и Коли, Жора, по документам Георгий Владимирович Котов, женился на Наташе, – дополнила старушка.

Молодая женщина помахала рукой.

– Это я. А вот наша с Жориком дочка Варечка. По бумагам она внучка Владимира Ивановича, но по крови внучка Николая Витальевича. Разобрались?

Действительно, все проще некуда. Если смотреть официальные документы, то Фатеев бобыль, на самом же деле у него были жена, сын, невестка, внучка, неродная тетка и, наверное, еще армия родственников в придачу.

– Когда мы с Жориком вместе жить начали, дядя Коля переехал к Жабе, – частила Наташа дальше, – нам отдал свою трешку, которая ему от покойных родителей досталась. Место тут, правда, не очень хорошее, из окна пустырь видно. Я его с детства боюсь, за ним внизу в карьере Чубарека живет.

Я усмехнулась. Галина Тимофеевна увидела выражение моего лица и ринулась в атаку.

– Думаете, это глупости? Ан нет! Чубарека существует! Раньше тут деревня была, так водяной у моей матери кур таскал, а один раз поросенка унес. Отец мой, царствие ему небесное, на соседа погрешил. Через забор с нами Петька Хват жил, его так прозвали, потому что если у кого-то что-то плохо лежит, он мигом прихватывал. Но куры и поросенок – это серьезно. Пошел папа к Петру разбираться, а тот затрясся: «Тимофей Алексеевич, я ни птицу, ни животину не трону. Погляди на землю». Посмотрел папа, а от забора, за которым наша изба, стояла, через двор Петьки тянется цепочка круглых следов... ну, таких вмятин, как от ведра, если его на песок поставить. «Чубарека у моей коровы молоко выпивает, – рассказывал Петр, – а теперь решил твоей курятинкой и поросятинкой побаловаться».

– Забудем про Чубареку, – попыталась я остановить старушку.

Куда там! Галина Тимофеевна не умолкала:

– Дом, в котором мы сейчас сидим, построили четыре года назад. И что сразу случилось? Можете народ поспрашивать. Мужики из новоселов решили на пустыре «ракушки» поставить. Артем Зиганов первым гараж приволок, и той же ночью пожар случился. Сгорело все. А вокруг... – пенсионерка сделала трагическую паузу, – круглые следы, такие же, как мой отец у Петки Хвата во дворе видел. Чубарека постарался. Все. С той поры на пустырь никто не ходит, даже дети боятся. А еще...

– С удовольствием послушаю историю про дух водяного, но позже, – перебила я старушку, – сначала хочется разобраться с квартирой Фатеева.

– Нашу девятиэтажку первой построили, – охотно завела Галина Тимофеевна, – в нее переселили тех, чьи дома ради нового района порушили. Родители Коли получили эту трешку. Они были старыми, насквозь больными, но пили много. Николай квартиру на себя оформил.

– Старики Фатеевы умерли почти сразу, как сюда въехали, – уточнила Наташа, – новоселье устроили, приятелей-алкашей позвали, купили водку подешевке, а та паленой оказалась. Дядя Коля никогда не пил и потому жив остался. Когда мы

с Жорой поженились, свекор сказал: «Молодым надо жить отдельно, сами подрались – сами помирились, советчики в семейной жизни не нужны». И съехал к Жабе.

– Кто такая Жаба? – тут же спросила я.

– Мать Елены Михайловны, жены дяди Коли, – услужливо сообщила Наташа.

– Той, которая по документам супруга Владимира Ивановича? – уточнила я.

– Вы сразу разобрались, – похвалила меня Галина Тимофеевна, – а не у всех с первого раза понять получается. Ох, Жаба ужасная женщина! Но ее нельзя одну оставить, болеет она очень – голова кружится, падает. Квартира у нее здоровущая. Один раз я в гости к ней заглянула, так со счета сбилась, когда хозяйка комнаты показывала. Сейчас соображу... Коля с Леной в одной спальне, Жаба в другой, еще пять свободных. Когда Елена к Владимиру ночевать уходила, Николай сам за тещей смотрел, хотя она ему не по закону теща, а по жизни. Понятно?

Я незаметно ущипнула себя за бок.

– Да, все просто. Но в начале беседы вы сообщили, что жилье, где мы находимся, принадлежит Наташе.

– Жоре, – поправила молодая мать. – Когда дядя Коля гриппом заболел, он трешку сыну подарил. Вызвал нотариуса, и тот бумагу составил. Потом ее где-то три дня регистрировали, и мы свидетельство получили. Дядя Коля очень Жору любил, сказал ему: «Сынок, я хреново себя чувствую, температура жарит. Вдруг помру? Кому тогда нажитое останется? Государство заберет».

– Правильно говорят, человек чувствует приближение смерти, – вздохнула Галина Тимофеевна. – Очень вовремя Коля подсуетился. Короче, завещание с печатями Жора получил до смерти отца. Удачненько вышло. Уйди Коля на тот свет раньше, могли возникнуть сложности с оформлением жилплощади. А так не подкопаться, сначала отписал, потом скончался.

Глава 8

– Мастерская по ремонту гармошек кому перешла? – задала я вопрос дня.

Галина Тимофеевна и Наташа переглянулись, потом хором спросили:

– Что?

Я пустилась в объяснения, перемешивая правду и ложь.

– Николай Витальевич Фатеев индивидуальный предприниматель.

Ему принадлежит фирма «Ни Ви Фат», название он придумал, используя свои паспортные данные. Это мастерская, в которой можно починить баян, гармонь и подобные инструменты. Дело приносило мало прибыли, но кое-какие клиенты были. Фатеев аккуратно в положенный срок платил налоги, но в нынешнем году этого не сделал, потому я и пришла к Николаю Витальевичу. Для уточнения, в чем причина.

Я перевела дух. Надеюсь, Галина Тимофеевна и Наташа не знают, как на самом деле взимаются долги по налогам.

– Мастерская? – растерянно повторила Наташа. – Никогда о ней не слышала!

– Починка гармошек? – удивилась Галина Тимофеевна. – На них в моем детстве играли, потом перестали. Папенька ими не увлекался, а вот дед мастер был. Ната, знаешь, у кого сейчас баян есть?

– Нет, – пробормотала молодая женщина. – Зачем он нужен? У всех плееры, через них любую музыку слушать можно. Наверное, аккордеоны есть у артистов, в театре. Да и не мог дядя Коля инструменты ремонтировать, потому что он пекарь по профессии. Сначала на хлебозаводе работал, потом на частном предприятии. Кстати, у него слуха совсем не было. Один раз в ванной запел, так тетя Лена к двери кинулись: «Николаша, тебе плохо? Ты стонешь, ужасные звуки издаешь!» Очень все потом смеялись, когда он ответил: «Эй, вы чего? Распеваю от удовольствия».

- Значит, есть оформленная на Николая собственность? – оживилась Галина Тимофеевна. – Мы докажем, что Варя его родная внучка, ей наследство достанется. Видела я недавно в сериале, что специальный анализ делают. Вроде ТНД называется.

- ДНК, – поправила я.

- Точно! – обрадовалась бабка. – Это же считается доказательством?

Я постаралась уйти от прямого ответа.

- По данному вопросу вам лучше проконсультироваться со знающим адвокатом. Но если затеете разбирательство, на свет выползет правда об отце Георгия, выяснится, что он не сын Владимира.

- При чем тут Жорик? – отмахнулась пенсионерка. – О Варечке говорю.

Наташа погладила старушку по спине.

- Тетя Галя, пойми, если Варя родня Николаю, то и Жорик тоже. Не видать тогда моему мужу наследства от Владимира Ивановича, а оно побольше какой-то мастерской.

- Ах ты, господи! – всплеснула руками Галина. – А как-то извернуться нельзя? Жора получит от отца по метрике много добра, а Варюше от деда по крови кое-что достанется. Где мастерская находится?

- От вас рукой подать, – пояснила я, – ее адрес улица Карьерная, дом один.

- Сторожка Кудрявцева! – подпрыгнула Наташа. – Она же стоит на дне оврага, ее не увидишь ниоткуда, случайно на нее не наткнуться.

- Странно, – протянула Галина Тимофеевна, – в ремонтную мастерскую должны люди идти, надо было такое место выбрать, чтоб в глаза бросалось. Может, вы адрес перепутали?

Я отвергла ее предположение:

- Нет.

- Точно сторожка Кудрявцева, - повторила Наташа, - я же говорила.

- Не мог Коля проклятое место купить! - вскипела Галина Тимофеевна. - У него, как и у всякого мужика, ума большого в голове не было, но чтобы дом колдунов взять... Вообще ни в какие ворота не лезет! Татьяна, вы знаете, что это за дом? Нет? Сейчас расскажу. Только еще кофе сварю.

Галина Тимофеевна бросилась к плите и, готовя напиток, начала выкладывать информацию. Мне пришлось во второй раз выслушать историю про Чубареку.

...Поселок Филимоново, сейчас слившийся с Лоскутово, был небольшим, всего шестьдесят домов. Люди там жили разные. Соседи и дружили друг с другом, и враждовали, и ругались, играли свадьбы, рожали детей. Как во всякой провинции, в селе хорошо помнили, чьи родственники пили горькую, а чьи работали с утра до ночи, у кого отец дрался, кому можно доверять, а с кем никогда не стоит иметь дела. Поповы из поколения в поколение ручкались с Николаевыми и косились на Федоровых. Кузнецовы, наоборот, корешились с Федоровыми и терпеть не могли Поповых. Но все жители Филимонова в один голос издавна говорили детям:

- Никогда не ходите в овраг, там живут Кудрявцевы, ведьмаки, друзья Чубареки. Они знахари, могут лечить, а могут и навести порчу, заболете от нее - не выздоровеете. Когда водяной людей убивать стал, он напал на сына Кудрявцева, и старик, чтобы парня спасти, продал Чубареке душу. С тех пор все члены семьи у нечисти в услужении. Колдуны-болтуны терпеть не могут, когда их зря беспокоят, станете шуметь, выйдут и превратят вас в мышей.

- Почему помощников Чубареки колдунами-болтунами зовут? - спросила один раз Галя у мамы.

- Это в шутку. Кудрявцевы ни с кем не разговаривают, - пояснила мама, - выслушают человека, сделают, что он просит, и все молчком.

- Они немые? - еще сильнее испугалась Галочка.

– Да нет, – пожала плечами родительница, – просто рта перед посторонними не раскрывают, вот их вроде как в шутку и зовут колдуны-болтуны. Хотя мне от этого прозвища не смешно, а жутко.

Маленькая Галя боялась оврага, на дне которого стоял дом колдунов, до обморока. Но когда девочка пошла в первый класс, учительница Мария Алексеевна объяснила ребятам:

– Советские дети не должны верить рассказам малограмотных людей. Злых и добрых волшебников не существует. Вас скоро будут принимать в октябрята, тот, кто верит в поверья, не получит звездочку. Понятно? Есть вопросы?

– Овраг Чубарека вырыл, – вдруг сказал Паша Харитонов, – и он Кудрявцевым дом из камней сложил. Человеку такого не сделать!

Мария Алексеевна рассердилась.

– Карьер возник из-за того, что многие годы там добывали глину для производства посуды. В девятнадцатом веке месторождение истощилось, и тогда нашли новые запасы в другом месте. У большинства из вас родители работают на фабрике. Вы что, ни разу там в музее не бывали? В избе на дне оврага издавна жили Кудрявцевы, которые были там сторожами. Сейчас в карьере беречь нечего, но дом по-прежнему принадлежит той же семье. В пятницу после уроков мы с вами туда пойдем, познакомимся с хозяевами, и вы поймете: никакие они не ведьмаки, обычные люди. Это внеклассное занятие, участие в нем по желанию. Но те, кто откажется, не получают звездочку октябренка. Труссы не имеют права стать внучатами Ленина.

– Меня мама не пустит, – захныкала Катя Егорова. – Она говорит, что Кудрявцевы людям всякие зелья продают. Когда у моей бабушки от болезни ноги не слушались, мамка к колдунам-болтунам пошла, заплатила им и принесла банку отвара. Бабуля из нее пила и выздоровела. К знахарям многие ходят. Вы, Мария Алексеевна, к нам недавно приехали, поэтому не знаете, что нельзя к травникам просто так, без дела, соваться. Еще обозлятся и нас в лягушек превратят.

– Мракобесие! – рассердилась учительница. – Хорошо, Егорова, сиди дома. Я уже объяснила: поход добровольный. Значит, тебя за трусость, глупость и веру

в сказки в октябрю не примут. Тому, кто звездочку не носил, потом ни пионером, ни комсомольцем не стать. Останешься ты, Екатерина, на обочине жизни, на тебя пальцем показывать станут и говорить: «Вот идет Катя, которая верит в Бабу Ягу». Да тебя ни на одну хорошую работу не возьмут! Конечно, в нашей стране любой труд почетен, но лучше быть бухгалтером, например, или учителем, чем дворником.

После такого заявления посетить обитель страшных Кудрявцевых согласились все. Маленькая Галя тоже поплелась в овраг. Девочка тряслась от ужаса, у нее подкашивались ноги, но перспектива остаться без заветного значка с портретом Ленина пугала ее сильнее. Если школьник не октябренок, он изгой, с ним никто не будет играть. Его не позовут ни в поход, ни на день рождения, посадят на последнюю парту, будут ставить одни двойки. Ну и дворником работать совсем не хочется, лучше стать бухгалтером и сидеть в теплой комнате, вертя ручку арифмометра.

Когда группа первоклашек во главе с учительницей добралась до здания, сложенного из тщательно обтесанных камней, Мария Алексеевна постучала в дверь и крикнула:

– Товарищи Кудрявцевы! К вам в гости пришли ученики школы номер один.

Створка приотворилась, из дома вышел... Чубарека. Дети завизжали и кинулись врассыпную. А Галя приросла ногами к земле, потеряв способность двигаться и слышать. Зато зрение у нее резко обострилось, она ясно увидела, как учительница попятилась, упала со ступенек и осталась лежать на земле. Чубарека – мохнатый, страшный, с рогами, копытами и хвостом – подошел к училке, наклонился, потом выпрямился и двинулся к Гале. Малышка стояла столбом. Водяной приблизился к ней почти вплотную, и она ощутила мерзкий запах, исходящий от жуткого создания. Чубарека поднял руку, потом вытянул ее вперед, и школьница увидела, что кончики его пальцев в крови... Тут свет в ее глазах померк.

Очнулась девочка в больнице. Около кровати сидела заплаканная мама, которая, увидев, что дочь пришла в сознание, разрыдалась и заговорила:

– Дочка, как же ты нас напугала! Слава тебе, господи, очнулась... Галочка, повезло-то нам как! Пока ты болела, папке предложили новую работу, он теперь

самого директора фабрики на машине возит. Из барака мы уехали, дали нам квартиру в центре Лоскутова. У нас три комнаты с ванной и кухней, горячая вода, телефон. Пойдешь в другую школу. Тебе куклу купили! У нее глаза закрываются, красота необыкновенная. Я ей платье вышила, отец дом для нее смастерил, мебель сделал.

- Mamochka, Чубарека убил Марию Алексеевну? - пропищала Галя.

Мать бросилась обнимать дочь.

- Нет, нет, учительница здорова, ее в Свердловск на работу перевели. Тебе страшный сон приснился, ты с кровати упала и ударилась, сознание потеряла, в больницу попала, долго без памяти лежала.

- Мы не ходили в овраг? - заморгала Галочка.

- Нет, нет, говорю же, это просто сон, - уверяла мама.

Малышка поверила ей. После клиники она сразу очутилась на новой квартире, пошла в другую школу, в Филимоново не ездила. И только закончив седьмой класс, Галина узнала правду. Она собиралась поступать в медучилище, пошла на подготовительные занятия и во время лекций встретила свою бывшую одноклассницу из Филимонова. Та рассказала, что поход к Кудрявцевым состоялся на самом деле, и дети увидели колдуна. Но все благополучно убежали, а Галя осталась на месте. Ребята примчались на центральную площадь села в истерике, их увидели взрослые, на место происшествия спешно прибыла милиция, которая обнаружила Галю, лежащую без чувств на земле, и мертвую Марию Алексеевну.

Абитуриентка еле дождалась окончания лекций, прибежала домой и заставила мать рассказать о давнем происшествии. Выяснилось, что когда маленькую Галю доставили в больницу, врачи никак не могли привести ее в сознание. Через неделю доктора разделились на две группы. Одни говорили, что ребенок не выйдет из комы, умрет, не очнувшись, а другие проявляли оптимизм: девочка выживет, вот только разум к ней не вернется, слишком сильный стресс испытала первоклашка. Директором фабрики тогда был Илья Михайлович Шаров. Он получил прекрасное образование, пришел на фарфоровую фабрику юнцом и несмотря на то что был потомком тех, у кого после большевистского

переворота национализировали предприятие, сумел стать руководителем. Шаров пожалел заболевшего ребенка. Он решил помочь семье Федоровых, взял отца Гали своим персональным шофером, мать устроил контролером ОТК, выделил семье трехкомнатную квартиру. А потом от всего сердца радовался, когда их дочка поправилась. Замечательная кукла, умеющая открывать-закрывать глаза и говорить «мама», была подарком от добросердечного деда Василия Петровича.

Вас удивляет, что Галя столько лет не знала правды? А между прочим, ничего странного в этом нет. Интернета в те годы не существовало, мобильных телефонов, с помощью которых можно общаться с подружками эсэмэсками, тоже. Родители перевели дочь в другую школу, уехали в новый район, и все связи с прошлым оборвались. Во времена детства Галины Тимофеевны информация быстро не распространялась, желтой прессы не было, телешоу на экране не демонстрировали. Да и первый телевизор купили, когда девушка уже училась на медсестру. И телефона у них дома не было, бегали звонить в будку во дворе...

Пенсионерка сняла со спинки стула платок и накинула себе на плечи.

Я задумалась. И что получается? Чубарека существует, моя собеседница видела его собственными глазами. Николай не мог сторожку Кудрявцевых купить – его родители коренные жители Филимонова, в детстве Коля тоже слышал про водяного миллион раз. Чинить гармошки Фатеев не умел.

– Ну-ка, подождите! – вдруг воскликнула Галина Тимофеевна и схватила со стола сотовый.

– Лена, это я. Слушай, у Коли была мастерская по починке гармошек? Нет, я не шучу и не издеваюсь... Ага! Потом объясню... И еще вопрос: Николаша избу колдунов-болтунов Кудрявцевых покупал? Ой, да не заболела я! Ну не кричи! Просто ответ. Знаю, что не первое апреля сегодня. Ага, ага... Спасибо. Вечером расскажу, почему спрашивала.

Старуха положила трубку на стол и усмехнулась.

– Лена решила, что у меня в голове жирные тараканы завелись... Так вот, ничего жена Николая ни про гармошки, ни про приобретение избы не слышала. Зачем Коле недвижимость с дурной репутацией? В овраг все ходить опасаются, лично я

туда и за миллион наличкой не сунусь.

– Баба Галя, а куда Кудрявцевы подевались? – подала голос Наташа.

Старушка призадумалась.

– Вроде их всех давным-давно в тюрьму посадили. Или они умерли. Чего-то я слышала про них, но забыла. Выходит, про дом неправда: и денег у племянника на покупку не было, и родне он о мастерской не доложил. Нет, нет, ошибка у вас, Татьяна, в документах.

– Может, и так, – согласилась я. – А теперь объясните, как к той избе пройти.

Глава 9

Попрощавшись с Наташей и Галиной Тимофеевной, я вышла на улицу и направилась в сторону пустыря, где виднелось несколько больших деревьев. Вроде бы они были совсем рядом, но это оказался обман зрения. Я успела отправить на ходу эсэмэски Троянову и Юрской, поговорить с Иваном Никифоровичем, а деревья по-прежнему оставались далеко. Мне понадобилось минут десять, чтобы достичь цели. Наконец я оказалась под раскидистыми ивами и увидела грязную речку шириной метра два. Не больше был и мостик, по которому следовало перебираться на другую сторону. Место выглядело безлюдным, переправа весьма ненадежной, на ней не хватало нескольких досок, а оставшиеся буквально расползались под моими ногами.

Кое-как я перешла на другой берег, и дорога сразу резко пошла вниз. На склоне была вырублена полузасыпанная землей лестница с шаткими перилами по бокам. Я еле-еле спустилась по ней, пару раз чуть не упала, а когда достигла последней ступени, обнаружила, что между ней и дорожкой, ведущей к дому, зияет здоровенная яма, перепрыгнуть через которую не представлялось возможным.

Любой другой человек признал бы свое поражение и вернулся назад, но у членов бригады при себе много интересных приспособлений. Я вытащила из сумки

небольшой пакетик, достала из него аккуратно сложенный темно-зеленый прямоугольник и дернула за висящую сбоку веревку. Раздалось тихое шипение.

Через пять минут, перебросив через препятствие надувной мост, сделанный из чрезвычайно крепкой ткани, я легко перебралась, куда хотела. Затем снова потянула за шнурочек, сложила «понтон» и спрятала его. Не спрашивайте, как снаряжение надувается-сдувается, я понятия не имею, просто им пользуюсь, как учили.

Узкая кривая тропинка привела меня к дому. Над покосившимся деревянным крыльцом, которое уж лет двадцать как следовало покрасить, висела вывеска «Ремонт музыкальных инструментов. Гармони, баяны, аккордеоны». Сбоку прибита табличка: «Часы работы: понедельник с 6.00 до 8.00 утра. Мастер принимает по предварительной договоренности. Опустите заявку в ящик». Чуть пониже маячил не запертый на замок железный короб. Я откинула крышку – пусто. Ясно, никто не хотел реанимировать заболевшую трехрядку.

Меня охватило изумление. Почему Николаю Фатееву пришла в голову мысль приобрести этот дом? Как человек, родившийся и всю жизнь проживший в Филимонове, он должен был хорошо знать историю колдунов Кудрявцевых. Младенцу понятно, что ни один из обитателей стихийно разросшегося Лоскутова по доброй воле не сунется в овраг – легенды живучи (вспомним хотя бы полицейского Юрия, самозабвенно докладывавшего следователю про Чубареку). Ладно, пусть Николай сваял дурака, приобрел дом. Но чего ради ему взбрело на ум заниматься починкой гармошек?

Не найдя ответа ни на один вопрос, я решила изучить окрестности. Обошла дом по часовой стрелке и увидела, что справа от него начинается проселочная дорога, усыпанная мелким красно-бордовым щебнем. Пошла по ней вперед и сообразила: проехать тут можно. Метров через двести проселок свернул налево, моему взору открылась площадка, где легко припарковались бы две машины.

Дорога резко вильнула и вывела меня к оживленной трассе, по которой потоком неслись автомобили. Я выбралась на обочину и поняла, что подъехать к мастерской музыкальных инструментов может лишь тот, кто хорошо знает, где находится проселок, – бордовый щебень заканчивался за пару сотен метров до выезда на магистраль, дальше шла серо-коричневая земля, выглядевшая так, словно по ней скакала конница Чингисхана. И навряд ли кому-нибудь

из водителей пришла бы в голову мысль использовать растущий вдоль шоссе лесок в качестве сортира, потому что прямо передо мной маячил щит с надписью: «Поселок Безбожный – 500 м. Магазин, туалет, кафе – 5 км». Уж наверное лучше потерпеть чуть-чуть и воспользоваться комфортным ватерклозетом.

Несколько минут я постояла в задумчивости, задавая себе разные вопросы. Например, почему тот, кто провел узенькую шоссейку, не засыпал ее щебнем до соединения с трассой? Не хотел, чтобы проезжающие мимо догадывались о наличии дороги и стоящего в конце ее домика?

Я опять посмотрела на указатель. Хм, до туалета пять километров. На машине это не расстояние, но мой автомобиль остался у многоэтажки, где живут Наташа с Галиной Тимофеевной. А мне, как назло, срочно понадобилось... э... ну, вы понимаете. И что делать? Ладно, придется устраиваться в кустиках.

Поднявшись в лесок, я разглядела отходящую влево от проселка еле-еле заметную тропинку, которой, похоже, совсем не пользуются. В гуще деревьев я заметила нечто вроде пещеры. Вот здорово, нашла укромное место. Только внутрь грота мне не попасть, лаз очень маленький. Ну да не беда...

Я приблизилась к плоскому камню, лежащему на земле, и увидела уголок чего-то белого, торчащего из-под него. Вынув из кармана перчатки, подняла булыжник, обнаружила полупрозрачный полиэтиленовый пакет и, забыв, зачем залезла в кусты, начала рассматривать находку.

На пакете краснела надпись «Дорога», внутри нашлись чек из магазина, пустые обертки от жевательного мармелада «Куколки», шоколадки «Слива» и мороженого «Ягодка», наклейка с изображением Барби в фиолетовом платье. Я достала из другого кармана пакет для улики, спрятала туда найденное и, не снимая перчаток, вернулась к обители колдунов.

Дверь в дом оказалась заперта, но человечество давно придумало разного рода отмычки, которые у меня, конечно, имелись. Тоненькая палочка, всунутая в скважину, провернулась, замок тихо щелкнул, я толкнула дверь и очутилась в прихожей. Пошарила рукой по стене, но выключателя не нашла. Что ж, вполне ожидаемо. На такой случай в моей сумке лежал маленький, однако очень мощный фонарик. Вспыхнул луч света. Отлично, теперь я могу спокойно

рассматривать интерьер.

Я стояла в небольшом холле. Мебели в квадратном помещении не было никакой, но потертости на стене без слов говорили о том, что ранее тут находилось нечто вроде консоли и вешалка. Люстра на потолке отсутствовала, но недавно точно висела – в центре его торчал крюк, к которому определенно крепился светильник.

Двери между холлом и коридором, ведущим в глубь дома, не было. Правда, когда-то она тут имелась, просто кто-то аккуратно удалил дверную коробку. Но следы-то остались!

В коридорчике я заметила нишу, внимательно изучила ее и сообразила, что здесь был шкаф-купе, хотя раздвижных панелей нет, полки и перекладины для вешалок с одеждой тоже. Пройдя по коридору, я обнаружила слева примерно тридцатиметровую спальню – на паркете сохранились черные круги от ножек кровати и двух тумбочек. На одной из стен зияли дырки. Что тут висело? Картины? Ковер? Или, может, полки?

Я подошла к окну и начала изучать раму. Да уж! Не в каждой квартире увидишь подобное! Обычные люди, делая ремонт, заказывают пластиковые рамы, жильцы побогаче ставят стеклопакеты из дерева. Но есть эксклюзивное предложение для тех, кто готов потратить на обустройство своего дома немереные суммы и вызывает специально обученных мастеров. Как правило, их услугами пользуются владельцы замков-дворцов, желающие сохранить аутентичный вид недвижимости, или хозяева, возводящие здания, стилизованные под старину. Для таких дорогих в прямом смысле этого слова клиентов изготовят окна, так сказать, из любой эпохи, установят соответствующую фурнитуру, состарят подоконники, которые будут выглядеть двухсотлетними. Но никаких щелей не останется, естественно, по комнатам не будет гулять сквозняк, открываться-закрываться рамы станут бесшумно. И здесь, в доме колдуна, был именно такой эксклюзивный вариант.

Я еще раз обошла помещение и переместилась в прилегавший к бывшей опочивальне санузел. Ни ванны, ни раковины, ни унитаза там не обнаружилось, на стенах остались выводы под трубы. Полотенцесушитель был откручен, кафель сбит, на полу кое-где блестели осколки плитки.

Я сфотографировала ванную, спальню и перешла в кухоньку. Здесь тоже отсутствовали техника, шкафчики, исчезли стол, стулья...

Старательно запечатлев все увиденное в жилых помещениях, я хотела отправить снимки Борцову, но поняла в доме были проблемы со связью. Ладно, отошлю материал позже.

* * *

Вернувшись к машине, я услышала звонок телефона.

- Куда ты подевалась? - спросил Троянов.

- А вы где? - ответила я.

- Сидим в гостинице, ждем тебя, - вздохнул компьютерщик.

- Борцов с вами? - поинтересовалась я.

- Нет, он в Китае, - ответил Роберт.

- Где? - оторопела я.

- В отеле была? - захихикал наш компьютерный гений.

- Да. А что?

- В номер поднималась? Рассмотрела его как следует? - веселился Троянов.

- Не успела, - призналась я. - Вошла, бросила сумку у входа, отправилась в ближайшее кафе перекусить, затем мы с Иваном пошли к Шарову. Самолет опоздал на два часа, времени на обустройство не было.

- Тебя ждет сюрприз, - радостно объяснил Роберт. - Я тут уже все изучил. Обратила внимание, что гостиница называется «Звезда Земля»?

– Вроде Земля планета, – перебила его я. – Или я ошибаюсь? Никогда не отличалась познаниями в астрономии.

– Планета, – подтвердил компьютерщик. – Но не будем придираться к владельцам постоянного двора. Они решили скреативить: каждый номер посвящен какой-нибудь стране. Глеб Валерьянович очутился в Китае, я в Америке, Тоня в Замбии, Иван Никифорович в Японии, Денис в Германии, ты в СССР.

– Такого государства уже нет, – напомнила я.

– А в отеле есть, – возразил Роберт. – Тебе долго ехать?

– Навигатор пишет пятнадцать минут, – ответила я.

– Хорошо жить в Лоскутове, – обрадовался Троянов, – не потратишь полдня на дорогу до офиса и столько же обратно.

Глава 10

Денис встретил меня в холле и, забыв поздороваться, засуетился:

– Пошли в малый конференц-зал. Нас всех поселили на одном этаже, там всего шесть номеров и есть место для совещаний. Лифт слева, он странный, почему-то розовый.

– Наверное, жене владельца гостиницы нравится гламурный цвет, – предположила я, рассматривая глянцевые стены кабины. – Ух ты, надо же, кнопки в виде голов животных...

– Направо, – скомандовал Жданов, когда мы очутились в коридоре, – третья дверь.

Я толкнула створку, увидела овальный стол, сидящих за ним членов бригады и воскликнула:

– Весьма удобно!

– Мне тоже так показалось, – согласилась Тоня. – Ой, какое у тебя миленькое платье! Шелковое?

– Вискоза, – ответила я, – на распродаже купила. Вообще-то я не собиралась приобретать обновку, зашла в магазин за шампунем, но не пойми зачем зарулила в один бутик. Смотрю – вещь стоит на две трети дешевле. Ну, и не удержалась.

– Вискоза лучше шелка, – похвалила мое приобретение Антонина, – так сильно не мнется. И настоящего шелка теперь днем с огнем не найти.

– Жаль только, что рукава слишком длинные, – вздохнула я, – приходится закатывать.

– Можно их вовсе обрезать, – дал совет Денис.

Мы с Антониной посмотрели на Жданова, он стушевался.

– Я просто так сказал. Многие женщины ходят в одежде с голыми руками.

– Не бывает одежды с голыми руками, – назидательно произнес Троянов. – Тань, никогда не покупай в наших магазинах шмотки на распродаже. За неделю до снижения цен администрация увеличивает стоимость нарядов вдвое, если не втрое, а потом в определенный день пугающую цифру перечеркивают, рисуют меньшую. И тетушки сметают товар, хотя на самом деле ничего не выигрывают.

– Не порти человеку удовольствие от приобретения, – остановил Роберта Глеб Валерьянович. – Танюша, платье очаровательное, Троянов просто позавидовал, ему такое никогда не носить.

– С этим не поспоришь, вы, как всегда, попали в точку, – рассмеялся компьютерщик. – Думаю, я бы выглядел сногшибательно в шелковом наряде с оборочками.

– Вечно мне все замечания делают, – с запозданием обиделся Денис. – Почему Роб сказал, что одежды с голыми руками не бывает? Посмотри в окно, полно женщин в такой!

Троянов оторвался от компьютера.

– Здесь нет окон, глухие стены. А у платьев-блузок нет рук.

Жданов открыл рот.

– Ну ты сказал! Глеб Валерьянович сидит в пиджаке. Или он, по-твоему, в жилетке?

– У жакета из льна, который надел Борцов, есть рукава, но не руки, – уточнил Троянов.

Денис опешил, но достойно ответить не успел, в зал вошел Иван Никифорович в сопровождении кряжистого мужчины средних лет.

– Всем привет, – произнес шеф. – Знакомьтесь, Федор Михайлович Дубов, начальник полиции Лоскутова, временно будет нам помогать. Начинаем! А чем здесь пахнет? Фу!

– Ничего не ощущаю, – удивился Глеб Валерьянович. – Может, девочки надушились?

– Я не пользуюсь парфюмерией, – в унисон сказали мы с Тоней.

Потом Юрская добавила:

– Это непрофессионально. Захочешь куда-то незаметно пройти, а духи выдадут.

– Дело Воронкова, – вздохнул Борцов, – давняя история, ей лет двадцать. Наша сотрудница тайно проникла в квартиру подозреваемого, и тут внезапно вернулся хозяин. Женщине было некуда деться, и она спряталась за занавеску, а через секунду получила пулю в грудь. Чудом выжила. Потом выяснилось: преступник заглянул домой на секунду, хотел взять какую-то вещь и уйти, но почувствовал посторонний запах, понял, что в помещении кто-то есть, и пальнул по занавеске. После того случая на всех семинарах повышения квалификации стали твердить: агент не имеет права пользоваться парфюмерией, ему надо...

– Табаком несет, – остановил эксперта Иван, – как от пепельницы. Кто накурил?

– У нас никто не курит, – удивился Роберт.

– Дыма без огня не бывает, а если огня нет, головешки на виду остались, – неожиданно сказал Федор Михайлович.

– Отвратительно воняет, – не успокаивался босс, – откройте окна.

– Их тут нет, – остановил его Борцов. – И мой нос ничего не учуял. А твой, Таня?

Я, в отличие от Глеба Валерьяновича, сразу сообразила, что у шефа начался период раздражения, вызванный отказом от курения, и дипломатично вывернулась:

– К сожалению, не могу похвастаться острым обонянием.

Босс подергал носом.

– Отвратительно воняет, прямо в мозг бьет. Неужели не ощущаете?

– Бригада не курит, – вмешалась в разговор Тоня. – Наверное, раньше тут проводили совещание заядлые курильщики. Давайте включим кондиционер.

Не дожидаясь ответа, Антонина встала и повернула рычажок в стене. Послышалось тихое гудение.

- Сейчас проветрится, - пообещала Юрская.

- Надеюсь, - передернулся Иван Никифорович. - Людей, которые убивают себя сигаретами, нужно отселять в резервации.

- Так вы же сами постоянно с сигаретой, - ляпнул Денис.

Я изо всей силы пнула Жданова под столом ногой, но поздно, тот уже успел высказаться.

- Слово не корова, ушло со двора, назад не приведешь, - заявил Федор Михайлович, заметивший мой маневр.

- Кто курит? Я? - возмутился шеф. - Давно бросил! Жданов, когда ты меня в последний раз с сигаркой во рту видел?

- Вчера вечером, когда вы сообщили, что нам в Лоскутово ехать надо, - ответил излишне честный Денис.

- Верно, - не рассердился шеф, - но с полуночи к раковым палочкам я не прикасаюсь. Финита! Отныне в нашем офисе категорический запрет на любой вид зависимостей.

- Поп-расстрига все иконы в щепки рубит, - высказался местный сыщик.

Все молча уставились на Федора Михайловича, тот смутился.

- Моя жена диссертацию пишет по пословицам. Тема у нее: «Малоизвестные версии широко распространенных поговорок». Вот, например: «Слово не воробей, вылетит - не поймаешь». Так все говорят. Но, оказывается, есть тьма вариаций: «Слово не вода, утечет, не вернешь». Или: «Слово не ребенок, убежит со двора, за руку назад не приведешь». Слышали такие?

- Нет. Очень интересно, - вежливо сказал Глеб Валерьянович.

- Рита огромную работу проделала, - оживился полицейский, - объездила весь регион, собрала горы материала, сейчас его систематизирует. По всей квартире

бумажки развешаны со списками поговорок, я на них постоянно натываюсь, вот и стал цитировать. Не обращайтесь внимания. Нервничаю сильно из-за жены, очень уж ей хочется кандидатский диплом получить.

- Таня, рассказывай, - велел шеф, поворачиваясь ко мне.

Я откашлялась. Похоже, Иван Никифорович, несмотря на свое обещание не лезть в мое расследование, решил встать у штурвала.

Босс чихнул. Затем поправился:

- То есть я хотел сказать - начинайте совещание. Меня как будто тут нет.

- Ежа в мешке не утаишь, так исколет, что охнешь, - пробормотал Дубов.

Борцов поднял руку.

- Разрешите? Я получил от Татьяны фото интерьера мастерской по ремонту гармоней.

- Это что такое? - изумился Денис.

Я постучала карандашом по столу.

- Глеб Валерьянович, извините, но придется начать мне. Вы-то с Робертом уже в курсе, а остальные еще нет.

Я рассказала о своем разговоре с Наташей и Галиной Тимофеевной, о том, как побывала в доме колдунов Кудрявцевых и изучила окрестности вокруг него.

- Теперь моя очередь, - обрадовался Борцов. - Итак, что я могу сказать о сторожке... Конечно, лучше побывать на месте самому, и я непременно туда съезжу, но пока, судя по фото, вырисовывается интересная картина. В ванной комнате некогда стояла сантехника фирмы «Брау».

– Никогда не слышала о такой, – удивилась Тоня. – А ведь недавно ремонт делала, изучила весь рынок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Татьяна вспоминает басню И. А. Крылова «Кукушка и петух». Здесь и далее примеч. авт.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/lyubovnoe-zel-e-kolduna-boltuna>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)